

Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая ¹⁾.

Б. Отраженіе Кіевской школьной драмы XVII и XVIII вв. въ Галиціи и Слободской Украинѣ.

Въ Галиціи и въ Слободской Украинѣ въ XVII вѣкѣ не было своихъ особыхъ латинскихъ православныхъ школъ, въ которыхъ составлялись бы школьныя драмы. А между тѣмъ въ этихъ областяхъ въ послѣднее время отыскано до семи небольшихъ школьныхъ пьесъ, отрывковъ изъ нихъ и передѣлокъ на южнорусскомъ книжномъ языкѣ, которые носятъ иногда латинскія названія, а въ иныхъ случаяхъ прямо обнаруживаютъ православіе своихъ составителей.

Естественнѣе всего думать, что эти пьесы и отрывки изъ нихъ обязаны занесеніемъ въ эти страны или передѣлкою ихъ здѣсь воспитанникамъ Кіевской Коллегіи или Академіи, которая привлекала къ себѣ православныхъ слушателей изъ всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ концовъ Малороссіи. Это дѣйствительно и можно утверждать, хотя и съ большою осторожностію, относительно Слободской Украины, юношество которой тяготѣло къ Кіевской Академіи не только до основанія Бѣлгородско-Харьковскаго Коллегіума въ 1722—6 гг., но и послѣ этого времени ²⁾. Что же касается

¹⁾ См. Труды Кіевск. Дух. Акад., Іюль—Августъ, 1909 г.

²⁾ „Акты и докуменгты, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., № 29, стр. 384. О слободскихъ воспитанникахъ см. тамъ же, по алфавитному указателю подъ словомъ „Слободскіе полки“.

предѣловъ нынѣшней Галиціи; то она, кажется, и донныѣ представляется нѣкоторыми совершенно изолированной и замкнутою отъ непосредственнаго воздѣйствія на нее Кіевской Академіи съ половины XVII вѣка ¹⁾). Когда въ концѣ XVII вѣка Кіевъ окончательно отошелъ къ Россіи, то общеніе съ нимъ строго воспрещено было польскимъ правительствомъ своимъ подданнымъ ²⁾), а слѣдовательно и жителямъ Галиціи. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что общеніе Кіевской Академіи съ Галиціею никогда въ дѣйствительности не прерывалось, тѣмъ болѣе, что оно было не только, непосредственное, но и посредствовалось зависѣвшими отъ Кіевской Академіи коллегіями въ предѣлахъ самой Польши. Да и непосредственное общеніе жителей Галиціи съ Кіевомъ и Кіевскою Академіею не прерывалось и послѣ запрещенія этого общенія польскимъ подданнымъ въ концѣ XVII вѣка. Изъ именныхъ вѣдомостей студентовъ Кіевской Академіи за 1736—7 и 1737—8 годы видно, что въ 1736—7 учебномъ году было въ ней заграничныхъ воспитанниковъ 127 человекъ, а въ 1737—8 году 122 человекъ. То были преимущественно уроженцы нынѣшняго Юго-Западнаго края Россіи (губерній Кіевской, Волынской и Подольской), Сѣверо-Западнаго края (Бѣлоруссіи и Литвы) и Галиціи ³⁾). Даже въ 1790 году зарубежныхъ воспитанниковъ въ Кіевской Академіи было 47 человекъ ⁴⁾). Тѣмъ болѣе могло быть въ Кіевской Академіи воспитанниковъ изъ этихъ краевъ въ XVII вѣкѣ.

¹⁾ „Кіевская Старина“, июнь, 1896 г., стр. 411

²⁾ „Очерки исторіи базилианскаго ордена, въ бывшей Польшѣ“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, августъ, 1870 г., стр. 417.

³⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія вторая, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., № 9, 10 и 22, стр. 272 и др.

⁴⁾ Тамъ же, т. V, Кіевъ, 1908 г., стр. 280—291.

Кромѣ самой Кіевской Академіи, въ правобережной Украинѣ были еще двѣ второстепенныя латино-польскія православныя коллегіи, подчиненныя Кіевской, которыя могли обслуживать научно-религіозныя нужды православнаго населенія въ Польшѣ,—это коллегіи Винницкая и Гойская, основанныя Петромъ Могилою.

Объ основаніи Петромъ Могилою Винницкой Коллегіи говорятъ Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Екзегесисѣ 1635 года. Она помѣщалась въ Винницкомъ Вознесенскомъ монастырѣ, одинъ изъ иноковъ котораго написалъ въ 1638 году на польскомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ Indicium, т. е. Показаніе церкви истинной¹⁾. Но эта Коллегія существовала не долго, и значеніе ея для края было не велико.

Долговѣчнѣе и вліятельнѣе была другая православная правобережная коллегія Гойская или Гоцанская на Волыни, близъ Луцка, тоже составлявшая филию Кіево-Могилянской Коллегіи. По сообщенію одной исторической записки о Кіевской Академіи, первымъ ректоромъ преобразованной П. Могилою въ 1631—2 году Кіевской Коллегіи былъ игуменъ Кіево-Братскаго монастыря Исаія Трофимовичъ Козловскій, который считался и провинціаломъ Коллегіума Кіевского и *Гойскою*, „которое Гойское Коллегіумъ зъ монастыремъ належали до монастыря Братскаго Кіевского“²⁾. Изъ послѣдующихъ ректоровъ Гойскаго Коллегіума извѣстны: Игнатій Оксеновичъ Старушичъ въ 1639—40 г. и Иннокентій Гизель въ 1640—1 г., вѣроятно избиравшіеся, по обычаю, на трехлѣтіе. Лучшею похвалою Кіевской и Гойской Коллегіямъ можетъ служить отзывъ о нихъ измѣнника православію и злѣйшаго врага его Кассіана Сако-

¹⁾ „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, Петрушевича. Львовъ, 1874, стр. 492.

²⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіев Академіи“, т. IV. Кіевъ, 1907 г., стр. 133.

вича, который въ 1642 году, упрекая униатовъ въ невѣжествѣ, говорилъ имъ: „Что ваши училища? Они ничего не значатъ не только передъ латинскими, но и предъ училищами Петра Могилы Киевскимъ и Гойскимъ“¹⁾. Изъ послѣдующихъ начальниковъ Гойской Коллегіи извѣстны: воспитанникъ Киевской Академіи Лука Пашкевичъ, бывшій въ Гошѣ учителемъ, префектомъ и ректоромъ²⁾, и Сильвестръ Головичъ, рекомендованный въ 1673 году мѣстоблюстителю Киевской митрополіи архіепископу Лазарю Барановичу Варлаамомъ Ясинскимъ въ преемники себѣ по Киевской ректурѣ и дѣйствительно утвержденный въ этой должности Лазаремъ Барановичемъ³⁾. Вѣроятно, имѣлъ какое-либо отношеніе къ Гошанской Коллегіи воспитанникъ Киевской Коллегіи Теофанъ Гурскій⁴⁾, въ 1676 году бывшій настоятелемъ Мѣлецкаго монастыря⁵⁾. Наконецъ, въ одномъ сборникѣ печатныхъ брошюръ Абрагама Взовія мы находимъ указаніе на послѣдняго ректора православной Гойской Коллегіи. Въ концѣ третьей брошюры этого сборника есть такая запись: „Помяни Господи во царствіи своемъ небесномъ іеромонаха Митрофана Судовскаго, ректора Гойскаго,

¹⁾ „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, Н. И. Петрова. Кіевъ, 1895 г., стр. 12 и 16.

²⁾ „Исторія Киевской Дух. Академіи“, С. Т. Голубева, вып. I. Кіевъ 1886 г., приложен., стр. 78.

³⁾ „Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. И. Петрова, Кіевъ. 1895 г.; стр. 31; см. „Описаніе рукописныхъ собраній... въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. III, Москва, 1904 г., стр. 62, л. 126—8.

⁴⁾ „Описаніе рукописныхъ собраній... въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. I, Москва 1892 г., № 128, стр. 233. Здѣсь онъ ошибочно названъ Губскимъ.

⁵⁾ Письмо его къ Варл. Ясинскому хранится въ музеѣ при Киевской Дух. Академіи, въ XV витринѣ.

ігумена Луцкого, преставльшогося року 1678 декабр. 5¹⁾. Въ 1679 году Львовскій епископъ, тайный уніатъ Іосифъ Шумлянскій, просилъ польскаго короля отдать ему Гощанскій монастырь, а въ 1681 году дѣйствительно получили его въ свое владѣніе ²⁾. Въ 1678 году онъ рекомендовалъ Гойскую Коллегію духовенству своей епархіи, говоря: „можете и тутъ поучитися добрѣ яко русскаго, славенскаго, такъ и польскаго и латинскаго писма и языка“ ³⁾.

Воспитанники Киевской и Гойской Коллегій, получивъ въ нихъ образованіе и возвращаясь на родину, могли приносить съ собою цѣлыя школьныя драмы или конспекты ихъ и отрывки изъ нихъ и здѣсь приспособлять ихъ къ своимъ практическимъ цѣлямъ. Были и особыя артилы воспитанниковъ этихъ коллегій, которыя расхаживали по провинціальнымъ городамъ и селеніямъ со своими діалогами и интермедіями. По крайней мѣрѣ, это извѣстно о нѣкоторыхъ воспитанникахъ Киевской Академіи первой половины XVIII вѣка. Такъ напр., около 1715 года одинъ пѣвчій изъ недоучекъ Киевской Академіи съ двумя странствующими студентами ея публично исполняли въ Шкловѣ на Пасху какой-то діалогъ съ интермедіею ⁴⁾. Вѣроятно, при такихъ же условіяхъ арестованы были въ 1753 году въ Мозырѣ полковникомъ татарской хоругви Барановскимъ шесть бѣло-русскихъ студентовъ Киевской Академіи ⁵⁾.

¹⁾ Изъ книгъ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, находится въ бібліотекѣ Смоленской дух. семинаріи. Сообщено Л. К. Вишневскимъ.

²⁾ „Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, Н. Петрова, въ „Трудахъ Киевской Дух. Академіи“, августъ 1870 г., стр. 422 и 424.

³⁾ „Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василія Великаго въ Галиціи“. Львовъ, 1867 г., стр. 108.

⁴⁾ „Кіевская Старина“, февраль, 1885 г., стр. 326.

⁵⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Киевской Академіи“, серія 2. т. II, № 31, стр. 88.

Такими путями изъ Кіевской и Гойской Коллегій могли быть занесены въ XVII-мъ и въ началѣ XVIII вѣка въ Галицію найденные здѣсь списки пьесъ, отрывковъ изъ нихъ и передѣлокъ: 1) Мистерія на Благовѣщеніе, съ интерлюдіей, половины XVII вѣка; 2) Прологъ и эпилогъ къ пьесѣ на Рождество Христова, служившіе какъ бы афишею къ ней, того же времени; 3) *Dialogus de passione Christi*, около 1670 г.; 4) „Антипрологъ“ къ какой-то пасхальной пьесѣ; 5) „Слово про збурене пекла“ и 6) „Бенкетъ духовный“, конца XVII или начала XVIII вѣка.

Языкъ этихъ произведеній—макароническій, составленный изъ элементовъ польскаго и южно-русскаго народнаго. Онъ не мыслимъ былъ въ кругахъ Львовскаго Ставропигіальнаго братства, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка¹⁾, и скорѣе свойственъ латино-польско-русскимъ школамъ типа Могилянскихъ коллегій Кіевской и Гойской, и притомъ или извѣстной опредѣленной мѣстности, или извѣстной эпохи.

Казалось бы возможнымъ по количеству полонизмовъ въ этомъ языкѣ опредѣлить приблизительно время написанія каждой изъ этихъ пьесъ, не имѣющихъ опредѣленной хронологической даты, относя къ болѣе раннему времени наиболѣе обильныя полонизмами пьесы, какъ это мы видѣли на пьесахъ несомнѣнно Кіевского происхожденія. Но эта точка зрѣнія въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнима. Сильная примѣсь полонизмовъ въ языкѣ этихъ пьесъ скорѣе указываетъ на западныя окраины Малороссіи, гдѣ малорусская рѣчь имѣетъ естественныя этнографическіе переделы и переходныя ступени къ сосѣднему родственному языку польскому и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ополячивается. А между тѣмъ кіевскій южно-русскій книжный языкъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе очи-

1) „Кіевская Старина“, апрѣль, 1891 г., стр. 135

щался отъ полонизмовъ и приближался къ общерусскому языку. Такимъ образомъ, въ послѣдствіи времени образовался въ Малороссіи двѣ особыя этнографическо-лингвистическія группы, отрознившіяся между собою до взаимнаго непониманія одной другою. Въ 1749 году профессоръ Кіевской Академіи іеромонахъ Георгій Конисскій на требованіе Кіевского губернатора Леонтьева прислать къ нему изъ студентовъ Академіи переводчика съ польскаго на русскій отвѣчалъ, что „способный къ таковому дѣлу въ Академіи не сискался. Хотя бо многыи суть полскій языкъ гораздо вѣдающіи, однакъ тѣи русскаго языка совершенно не знаютъ; а напротивъ, которіи на русскомъ языкѣ, какъ и породившіися zde, пекусны, тѣи полскаго... не вѣдаютъ“. По словамъ заграничнаго студента Максима Огіевского, въ 1750 году въ Кіевской „Академіи полскій діалектъ не производится, точію учителя всегда слѣдуютъ ученію діалектомъ латинскимъ и русскимъ“, и не захотѣлъ болѣе учиться въ ней¹⁾.

Не смотря однако же на отрозненность въ языкѣ западной и восточной Украины, малорусское населеніе той и другой долго жило еще общеоу жизнію, участвовало въ казачьихъ войнахъ XVII вѣка и переселялось изъ одной части Малороссіи въ другую, особенно изъ западной въ восточную. Вмѣстѣ съ тѣмъ, независимо отъ посредничества Кіевской Академіи, переходили изъ Западной Малороссіи въ восточную Украину и письменные памятники или во время казачьихъ войнъ съ эпохи Богдана Хмельницкаго, въ качествѣ военной добычи, или же со времени заселенія дѣвобережной и особенно Слободской Украины съ половины

---

¹⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серія 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904 г., введеніе, стр. VI и VII.

XVIII вѣка выходцами изъ правобережной Украины и въ частности изъ Галиціи. Такимъ именно путемъ, по объясненію г. Франка, занесена изъ Галиціи въ Слободскую Украину пасхальная вирша „про збурене некла“¹⁾.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, мы не рѣшаемся опредѣлять старшинство драматическихъ произведеній этой группы по количеству полонизмовъ въ рѣчи и на этомъ основаніи включать ихъ въ общую хронологическую канву исторіи Киевской школьной драмы перваго періода ея развитія. Мы не можемъ также съ увѣренностію утверждать, что извѣстное драматическое произведеніе разсматриваемой группы получило окончательную обработку въ правобережной или лѣвобережной Украинѣ; поэтому-то мы и не отдѣляемъ строго найденныхъ въ Галиціи произведеній этого рода отъ произведеній, найденныхъ или записанныхъ въ лѣвобережной и въ частности въ Слободской Украинѣ.

Къ сожалѣнію, другихъ данныхъ для опредѣленія времени и мѣста происхожденія этихъ драмъ мы имѣемъ весьма мало. Палеографическія особенности Галиційскихъ и Слободскихъ украинскихъ списковъ школьныхъ драматическихъ произведеній, имѣющія въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе, не обследованы надлежащимъ образомъ, и даже не указаны бумажные водяные знаки рукописей,—и намъ по необходимости приходится довѣрять въ установленіи хронологіи нѣкоторыхъ изъ этихъ драматическихъ произведеній готовымъ опредѣленіямъ лицъ, открывшихъ и обследовавшихъ эти рукописи.

1) Одною изъ старѣйшихъ пьесъ, найденныхъ въ Галиціи, считается мистерія на Благовѣщеніе, съ интерлюдією къ ней, относимая къ половинѣ XVIII вѣка.

---

¹⁾ „Южно-русская пасхальная драма“, Мирона (Ив. Франка). въ „Кіевской Старинѣ“, іюнь, 1896 года.

Мистерія носить названіе „*Архангелови вѣщанія Маріи*“. Отъ пьесы дошли только сцены 5, 6 и 7, по видимому принадлежащія къ одному и единственному дѣйствію или акту, такъ какъ ими исчерпывается вся сущность тайны Благовѣщенія.

Въ пятой сценѣ выводится Душа грѣшная. Она скорбитъ объ утратѣ своего возлюбленнаго жениха и объ отдаленіи отъ себя Бога грѣхомъ своимъ и слезно молить Творца сжалиться надъ нею, обвиняя въ преступленіи противъ Бога свое Тѣло грѣшное. Последнее сознается въ своей винѣ, ссылаясь, въ облегченіе вины, на соблазны Свѣта, доведшіе ихъ обоихъ до Ада, и совѣтуетъ Душѣ грѣшной припасть вмѣстѣ съ нимъ ко Господу со слезами и молить его, чтобы Онъ ниспослалъ имъ свое милосердіе. Оба они, и Душа и Тѣло, павши на колѣна, молятъ Творца послать имъ помощь съ своего престола. Милосердіе Божіе, съ возженною свѣчею, утѣшаетъ Душу грѣшную и Тѣло грѣшное обѣтованіемъ, что оно само низойдетъ съ неба взять на себя грѣхи человека и опять возвести его на небо. Душа и Тѣло благодарятъ за это Творца своего.

Въ шестой сценѣ начинается исполненіе обѣтованія, благовѣстывается о рожденіи Пресвятыя Дѣвы Маріи и излагается евангельская исторія посвященія ея Господу и обрученія Іосифу. Выходятъ на сцену Захарія святитель, неплодные Іоакимъ и Анна, ангелъ благовѣститель и затѣмъ Пречистая Дѣва Марія и Іосифъ Обручникъ. Въ заключеніе сцены „Пречистая Панна стоячи (будетъ) псалтирь читати, а хоръ будетъ спѣвати: Благовѣстуй, земле, радость велию! Пойте небеса Вожію славу!“

Но словамъ профессора Вл. Н. Перетца, „пьеса представляетъ большой интересъ, и не только потому, что даетъ образчикъ мистеріи: мы очень мало имѣемъ украинскихъ пьесъ отъ ХVІІ вѣка, а открытую г. Свѣнцицкимъ и публикуемую нами, судя по характеру языка и стиля, мож-

но отнести именно къ этой эпохѣ. Церковно-славянская стихія въ языкѣ пьесы сравнительно слаба; наблюдается обилие полонизмовъ не только въ словарѣ, но и фонетикѣ, напр. *южъ, ижемъ-ся, же* (что), *естемъ, альбовѣмъ, з бѣзкой опатрности, жийте, незмосный, зепсованный, маодзенче, пелна...*, что сближаетъ пьесу съ кругомъ литературныхъ произведеній первой половины и середины XVII вѣка. Довольно замѣтна и народная украинская стихія, какъ въ фонетикѣ—частая мѣна *у* и *в*, полногласіе (*стережи, боронити*), такъ и въ морфологiи и словарѣ. Отъ позднѣйшихъ продуктовъ литературы XVIII вѣка нашу пьесу отдѣляетъ ея, конечно условно, наблюдающійся въ ней реализмъ. Такъ, очень реально изображенъ Захарія, въ бесѣдѣ съ Іоакимомъ, напоминающій скорѣе сельскаго батюшку, а не Израильскаго первосвященника“.

Захарія напередъ выйдетъ святитель, и усядетъ собѣ на ок..., а потомъ Іоакимъ изъ Анъною жертву внесутъ.

Захарія Стл. Іоакиме, старче, где то такъ идешъ.

Що то влячъного изъ жоною несешъ?

Іоакимъ Богу несу овчатко на жертву одати,
Да ли быль могъ отъ него ласку отримати.
А ти зась, святителю, приймы, що приношу,
А офѣру за мене велце Богу прошу.

Захарія. Іоакиме старче, любъ ты прогнѣваю,
Не учиню я того, и волѣ не маю.

Лиментъ Анны о безчадіи напоминаетъ плачъ матери Алексѣя челоуѣка Божія въ западно-русскомъ и Метафрастовомъ житiи. Встрѣчаются и черты того литературнаго стиля, который укрѣпился въ украинской лирикѣ въ XVII вѣкѣ, а въ великорусской—въ эпоху Петра Великаго. Таковы риторическія формулы вопрошенія: „Ахъ, що чинити маю“, и т. п. Въ шестой сценѣ, послѣ благовѣщенія ангела Аннѣ, поютъ пѣснь: „О Маріе и Дѣвице, Пречистая [Голубице]“. Пѣснь эта извѣстна по позднѣйшимъ спискамъ Богогласника XVIII вѣка и по печатному его изданію:

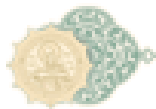
О Маріе и Дѣвице,
Пречистая Голубице!
О утренко, звѣзда ясная,
Отъ хоровъ ангельскихъ прекрасная...

Седьмая сцена заключается словами: „конецъ сценамъ поважнымъ всѣмъ“, послѣ чего помѣщена интермедія, относящаяся, по видимому, къ предыдущимъ „поважнымъ“ сценамъ.

Сюжетъ интермедіи разрабатывался и въ западно-европейской литературѣ. Онъ достаточно извѣстенъ въ старинной русской анекдотической литературѣ. Въ рукописяхъ XVІ в. встрѣчается прѣніе Тараски-жидовина съ христіаниномъ-шуткомъ о вѣрѣ, при чемъ лучшею объявляется та, которая имѣетъ больше праздниковъ; при счетѣ ихъ условливаются за каждый праздникъ вырывать у оппонента по волоску изъ бороды. Іудей перечисляетъ очень немного праздниковъ, христіанинъ же перечисляетъ воскресенья, дванадесятые праздники, выдергивая постепенно волосы у іудея, и наконецъ за праздникъ всѣхъ святыхъ вырываетъ всю бороду. Этотъ анекдотъ облеченъ авторомъ интермедіи въ бытовую обстановку украинской жизни: жидъ является перекупщикомъ шкурокъ тхоровъ (хорьковъ) и воску. Русинъ напрашивается къ нему въ попутчики и заводитъ споръ о вѣрѣ. Когда онъ вырвалъ у еврея всю бороду,—

Жидъ по бородѣ ляментъ зачинаетъ:
О вей, Адонай, Боже зивий!
Ото осетилъ мене гой злосливий!
Бороду мнѣ вирвалъ, якъ драпѣзний воицькъ,
И киемъ дузе такъ зе бока натомѣкъ,
Нѣ до зонки, нѣ до дѣтей нѣякъ прийти.
Ото оспетить такъ еси мене, гою, ти!
И отходитъ¹⁾.

¹⁾ См. „Архангелови вѣщанія Маріи и благовѣщенская мистерія“, Ил. Свѣнидцкаго въ „Запискахъ Науковаго товари-

Состоя изъ одного только акта или дѣйствія, съ семью явленіями, пьеса, очевидно, рассчитана была не на большое число актеровъ, которое могло бы найтись въ болѣе или менѣе многолюдной школѣ, а на малое число любителей-актеровъ какого-либо захолустья Галиціи. Вѣроятно, она составлена или редактирована была какимъ либо воспитанникомъ православныхъ южно-русскихъ школъ Могилинскаго типа, т. е. Кіевской или Гойской коллегій.

2) Къ половинѣ же XVII вѣка относятся Прологъ и Епиграфъ къ *пьесѣ на Рождество Христова*, найденные въ томъ же рукописномъ сборникѣ, въ которомъ найдены и отрывки предыдущей пьесы.

Прологъ обыкновенно указываетъ главную тему пьесы и предшествоуетъ ея сценическому представленію. Въ данномъ Прологѣ говорится слѣдующее:

Премѣнивши фразунокъ на гоиную радость.

Отложѣмо отъ себе грѣховную сладость.

Приложѣмся до хвали презадного Пана,

Приверѣмъ до чести славного Гетмана,

Который отпустивши гмахи небесные,

Спустился на низкіе краини земніе,

А вселился во животъ Пречистой Панны,

А нинѣ ся рождаетъ у бидлячой стайнѣ;

Навѣжаетъ пратца въ тѣлѣ созданнаго,

Изъ раю пресличного за грѣхъ вигнаннаго,

Которого дьяволъ лютий презъ овоцъ былъ извѣлъ

И до неласки бозкой навѣки былъ привелъ.

щества имени Шевченко въ Львовѣ", 1907 г., кн. 2 и 3.; „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, В. Н. Черетца, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 4, стр. 63—84; „Интермедія еврея з русиномъ“, Ив Франка, Харьковъ, 1908 г. (Оттискъ изъ XVIII тома „Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“).

Въ человѣческій образъ днесъ ся оздобляетъ,
Сказителное тѣло божествомъ обновляетъ.
Нинѣ тому аггели съ пастирми спѣвають
И царіе отъ востокъ со дари витають,
Ливанъ, смирну и злато чистое приносятъ,
Яко своему послугу голосать,
Бо познали мощаство вельможного Пана,
Котрому идетъ хвала отъ всякого стана.
Нехай же днесъ и отъ насъ тому будетъ слава,
Якъ провѣчному Слову, речеть моя глава;
Мы въ мовѣ *отроческой* то вамъ повѣдаемъ,
А о ритмовъ слуханя миле упрашаемъ.
Послухай не тескливе тоей бозкой справи,
Въ побожнихъ справахъ своихъ *церковной* забави.
Въ эпилогѣ, какъ заключительной части пьесы, высказываются благопожеланія слушателямъ:

Яко жъ слышалъ зъ нашихъ мовъ, що то тутъ правила,
Христа рожденного *сценами* хвалили;
Ти за свое пильное слухачъ слуханя
Зичимъ въ небѣ зъ рожденнимъ Христомъ кролеваня,
Абы тутъ вамъ даровалъ вѣки злодѣстие,
А у небѣ радости въ тожъ вѣкуистие,
За то, жесь—те слухали бозкой въ *церкви* хвали,
Дай рожденный, абысьте долгий вѣкъ мешкали
Тежъ на земли, а въ небѣ не мѣющий конца
Взяли вѣкъ до мешканя отъ Бога Отца ¹⁾.

Прологъ и эпилогъ соотвѣтствуютъ между собою по содержанию и нѣкоторымъ частнымъ особенностямъ и потому должны быть отнесены къ одной и той же пьесѣ на Рождество Христово, составляя какъ бы программу или афишу ея. Судя по прологу, въ пьесѣ говорилось о грѣхопадѣніи прародителей, воплощеніи и рождествѣ Сына Божія, славословіи ангеловъ и пастырей новорожденному Богомла-

---

¹⁾ „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, В. Н. Перетца, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 4, стр. 84—6

денцу и поклоvení ему волхвовъ. Но, не смотря на сложность содержанія, пьеса представлена была „въ сценахъ“ или явленіяхъ, а не въ дѣйствіяхъ или актахъ, и, слѣдовательно, состояла изъ одного только акта или дѣйствія, заключавшаго въ себѣ нѣсколько сценъ. Вѣроятно, она извлечена была изъ какой нибудь болѣе сложной рождественской драмы, и при томъ человѣкомъ школьнаго образованія, знакомымъ съ силлабическимъ стихосложеніемъ. Исполнителями пьесы были „отроки“, вѣроятно воспитанники какой нибудь сельской дяковской или монастырской школы, во главѣ которой стоялъ панъ—бакаляръ изъ обучавшихся въ какой либо коллегіи.

Мѣстомъ исполненія пьесы была церковь, какъ объ этомъ согласно говорятъ и прологъ и эпилогъ. Очень возможно, что въ западной Малороссіи, вслѣдствіе сосѣдства съ поляками и по примѣру ихъ, подобныя добавочныя къ праздничному Рождественскому богослуженію пьесы исполнялись и въ самой церкви и имѣли характеръ священныхъ мистерій.

3) Къ мистеріальнымъ пьесамъ отчасти примыкаетъ и „Диалогъ о страданіи Спасителя (Dialogus de passione Christi)“, XVII в. Онъ найденъ въ рукописномъ сборникѣ села Смерекова, Львовскаго уѣзда, заключающемъ статьи и замѣтки 1607, 1655 и 1670 годовъ. Диалогъ писанъ тою же рукою какою и заглавіе, помѣченное 1670 годомъ, къ которому приблизительно и должна быть отнесена его переписка, если не составленіе.

Диалогъ этотъ состоитъ изъ пролога, писаннаго на польскомъ языкѣ и заключающаго въ себѣ сценарій для драмы, и пяти сценъ, писанныхъ, по признанію автора, русскимъ діалектомъ. Изъ этихъ пяти сценъ три первыя можно считать мистеріей, двѣ же послѣднія переходятъ въ родъ *moralité*.

Главное содержаніе пьесы несомнѣнно заимствовано изъ евангельскихъ сказаній и церковныхъ пѣснопѣній на страстную седмицу. Но эти первоисточники не помѣшали, однакоже, и самобытному творчеству автора, который съумѣлъ подмѣтить и рельефно выставить нѣкоторыя драматическія детали въ психическомъ состояніи не только самого Спасителя въ его моленіи о чашѣ, но и Богоматери, и ангела, принесшаго Спасителю чашу страданій, и новой церкви Христовой, и отбѣнить психическіе мотивы въ дѣйствіяхъ этихъ лицъ библейскими параллелями и сопоставленіями.

Въ первой сценѣ является Ангелъ, несущій Спасителю чашу страданій. Онъ жалуется на людей, которые грѣхами своими довели до необходимости воплощенія Божія и страданій Богочеловѣка; жалуется и на то, что ему одному изъ всего ангельскаго сонма выпала печальная доля поднести своему Владыкѣ чашу страданій. Съ Ангеломъ встрѣчается Пресв. Дѣва и, узнавъ о цѣли его миссіи, останавливаетъ его и проситъ его дать ей самой выпить чашу страданій, назначенную для ея возлюбленнаго Сына, такъ какъ Онъ постоянно находится въ ея сердцѣ:

Тутъ есть Сынъ мой, тутъ завше я его ховаю,
Во внутреностяхъ и въ сердцу Ісуса я маю,
Дай же тебѣ, Ангеле, мнѣ келихъ выпити,
Если хочешь Ісуса моего напоити.

Ангелъ не осмѣливается нарушить даннаго отъ Бога повелѣнія. Тогда Пресв. Дѣва умоляетъ Ангела дать ей хоть немного отпить изъ этой ужасной чаши страданій, чтобы облегчить сколько-нибудь крестныя страданія своего Сына:

Вдаръ копѣю у сердце, любѣ на мои скронѣ
Терновой той окрутной дай мѣсце коронѣ,
Або въ руки гвоздіе мои рачѣ убити.
Любѣ щоконівець,—тилко хтѣй и мнѣ удѣлити.
Нехай не всѣ мордерства Ісусъ мой поноситъ,—

О то тебе нендзяная Матка Его просить.

Но въ это время доносится изъ ада скорбный вопль:

Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами!

Покажи милосердіе Твое надъ вязнями,

Снйди съ небесъ, Творче, выбавъ насъ зъ неволѣ,

Учини, о Господи, достъ Отцевской воли!

Послѣ этого Ангелъ рѣшительно отказывается въ мольбѣ Богоматери. Она плачетъ, не зная, куда ей обратиться для спасенія возлюбленнаго своего Сына. Пошла бы она со своими слезами ко Отцу на небо, но туда пускаютъ не со слезами, а только съ радостями: боролась бы съ Ангеломъ и отняла бы у него чашу страданій, но не имѣетъ силъ Іакова. Архангелъ Гавріиль уже не привѣтствуетъ ее скорбную, а его прежнее благовѣстіе принесло ей теперь еще большую скорбь. Богоматерь сама обращается къ Отцу небесному съ мольбою за Сына, напоминаетъ Ему о вѣчномъ Его милосердіи къ людямъ, о спасеніи ея съ Сыномъ во время бѣгства во Египетъ и избавленіи Его отъ убійцъ Ирода, и въ заключеніе обращается къ своему Сыну съ такою мольбою:

Вступи теды, о Сыну, до моей утробы.

Нехай оразъ съ Тобою буду въ одномъ гробѣ!

Вниди, Сыну, до сердца и хтѣй тамъ умрѣти,

Гдесъ ся тежъ на початку рачиль уродити!

Во второй сценѣ Ангелъ подходитъ къ Спасителю, молящемуся въ саду Геосиманскомъ, и подаетъ Ему чашу страданій. Спаситель смущается духомъ при мысли, что Его преслѣдуютъ не только люди, но и ангелы, и готовятъ Ему лютую смерть. Ангелъ оправдывается и указываетъ на то, что онъ есть только несчастный исполнитель воли Бога Отца. Тогда Спаситель обращается съ мольбою къ Отцу своему небесному, напоминаетъ Ему о своемъ предвѣчномъ единеніи съ Нимъ, о Его милостяхъ, оказанныхъ Лоту при выходѣ его изъ Содома, Товіи, Даніилу и др.,—милостяхъ, которыхъ однако теперь ока-

зался лишеннымъ Онъ—Единородный Сынъ Отчій, и просить, да мимо идетъ отъ Него чаша сія. На новое оправданіе Ангела, что онъ—только исполнитель воли Бога Отца, Спаситель отвѣчаетъ жалобою, что Онъ является какъ бы обманщикомъ передъ своими врагами и народомъ, когда проповѣдывалъ, что у небеснаго Отца Его—тмы темъ легіоновъ ангеловъ, исполняющихъ Его волю. Ангелъ еще разъ повторяетъ, что онъ—только несчастный исполнитель воли Бога Отца, прибавляя:

Если теды не примешь (що и я жадаю),
Я ся назадъ зъ келихомъ заразъ повертаю.

Но въ это время опять слышится изъ преисподней знакомый уже намъ вопль грѣшниковъ:

Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами! и проч.
Тогда Спаситель рѣшительно беретъ изъ рукъ Ангела смертную чашу и говорить:

Стой, Ангеле, почекай, дай Ми чашу въ руки!
Юже ты жъ ся отважу на всѣ тые муки.
Проразило мя пекло, ляменты и лканя,
Серце мое зранили людскіе воланя.
И маєть же такъ марне отъ Мене створеный
Чоловѣкъ загинути въ лекиѣ зануреный?
И будетъ же такъ много смерть людами радити,
Албо патанъ пекелный будетъ ли губити?
Иду на крестъ, на кроты, и тежъ на катовнѣ!
Стану предъ судіями, умру неотмовнѣ.

Въ третьей сценѣ Пресв. Дѣва встрѣчаетъ своего возлюбленнаго Сына съ чашей страданій, слышитъ отъ Него о его рѣшимости пострадать и умереть за грѣшный людской родъ, представляетъ въ своемъ умѣ предстоящія Ему тяжкія страданія и молить Его, чтобы и она была соучастницею Его страданій и крестной смерти. Спаситель отказываетъ въ ея просьбѣ:

Бысъ заразъ оразъ зо мною мѣла умирати,
Сама того не зычь Ми, пречистая Мати;
Но мусѣтъ бымы ерожшіе муки подносити,

Если бымъ былъ съ Тобою на крестѣ прибитый.
Станемъ въ той часъ зъ Тобою, кгда сядемъ на тронѣ
Теразъ нехъ стоять лотры на обыдвѣ стронѣ.

Въ это время въ третій разъ повторяется вопль грѣшниковъ изъ преисподней:

Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами! и проч.

Эта троекратно повторяющаяся скорбная мелодія играть въ пьесѣ какъ бы роль древнеклассической судьбы или директива, направляющаго ходъ пьесы, по видимому готовой уклониться въ сторону, къ своему опредѣленному концу, и должна была производить на современныхъ зрителей и слушателей глубокое, потрясающее впечатлѣніе. На этотъ разъ Пресв. Дѣва, потрясенная воплемъ грѣшниковъ, не настаиваетъ уже ни на минованіи чаши отъ Ея Сына, ни на соучастіи въ Его крестныхъ страданіяхъ, а молить только о дозволеніи стоять при крестѣ и сквозь слезы смотрѣть на Его смерть.

Четвертая сцена развивается на тему пророчества Симеона Богопріимца о Пресв. Дѣвѣ: „Твое сердце оружіе пройдетъ“. Выступаютъ на сцену Сердце Пресв. Дѣвы и Окруженство. Сердце Богоматери, узнавъ, что І. Христосъ пошелъ уже на тяжкія муки, зоветъ ангеловъ и людей стать на защиту Спасителя и само просить меча или другаго оружія, чтобы защищать Іисуса отъ смерти. Окруженство или Злоба подаетъ дѣвичьему Сердцу мечъ, но не рукояткою, а остриемъ, поясняя, что оно и Сына Божія поразило остриемъ гвоздей, копія, трости и терноваго вѣнца, и затѣмъ пронзаетъ Сердце Богоматери остриемъ меча. Пронзенное Сердце горько рыдаетъ о смерти Спасителя и заключаетъ свои рыданія такими словами:

Буду въ жалю и плачу цалый вѣкъ мой жити,
Зъ острымъ тымъ мечемъ буду по всякъ часъ ходити.

Въ пятой сценѣ Любовь, Вѣра и Надежда, оставивши жетхую Синагогу, привѣтствуютъ новую Церковь, основан-

ную страданіями Спасителя, и просятъ ее принять ихъ въ свое услуженіе. Новая Церковь скорбитъ о заблужденіи Синагоги, предавшей на смерть благодѣявшаго ей Господа и прогнавшей отъ себя Любовь, Вѣру и Надежду. Новая Церковь любовно принимаетъ къ себѣ эти добродѣтели и со скорбнымъ чувствомъ благодарить Спасителя за то, что Онъ основалъ ее своими страданіями, низко преклоняетъ предъ Нимъ свои колѣна и величаетъ Его страсти. Изліяніе чувствъ новой Церкви троекратно прерывается повтореніемъ двустипія, которое имѣетъ здѣсь значеніе какъ бы припѣва, служащаго отдыхомъ для напряженнаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливающаго единство лирическаго тона въ длинномъ монологѣ новой Церкви. Это двустипіе— слѣдующее:

Укрыжованый Пане, добрый есь заисте,
Добротливый предъ смертю и при смерти, Христе!

Заканчивается этотъ патетическій монологъ такими словами:

А ты, Пане мой, Боже, рачъ милостивъ быти,
И въ притомныи часы рачъ мя боронити!
Ты естесь Панъ отъ вѣка щодробливый, гоинный,
Отдали жъ отъ насъ плакги, повѣтря, гладъ, войны!
Укрыжованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый предъ смертю и по смерти, Христе!

Изъ пролога къ пьесѣ можно видѣть, что Діалогъ этотъ не есть простой переводъ съ польскаго или простая транскрипція, какъ это могло показаться изъ самаго текста, но написанъ былъ самостоятельно, болѣе или менѣе оригинально, на томъ языкѣ, на какомъ и дошелъ до насъ, т. е. на „русскомъ діалектѣ“, хотя и переполненномъ полонизмами. Въ польскомъ предисловіи къ Діалогу авторъ говоритъ:

Taką my Tragedią wysławim po Panie,
A to się wszystko *ruskim dialektem* stanie.

Когда и кѣмъ написанъ этотъ Діалогъ, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Изъ пролога можно видѣть, что Діалогъ приготовленъ былъ для сцены и дѣйствительно разыгрывался на сценѣ. Здѣсь, напримѣръ, говорится о второмъ явленіи то, чего нѣтъ въ самомъ этотъ явленіи: „Ангель придетъ, а потомъ вы увидите въ саду Христа, молящагося небесному Отцу. И послѣ краткаго пѣнія, съ этой же лѣвой стороны изъ-за занавѣса покажется ангель съ чашей, съ печалью будетъ подносить чашу Христу, а Христосъ будетъ отказываться въ длинной рѣчи. Но увидѣвъ заключенныхъ въ безднѣ и услышавъ ихъ невыносимые вопли, по своему милосердію, возьметъ чашу, и такимъ образомъ окончится вторая сцена“, и т. д.

Изъ пролога же мы видимъ, что Діалогъ представлялся на сценѣ, закрытой занавѣсомъ. Въ первомъ явленіи обстановка сцены, по видимому, представляла Геесиманскій садъ, а во второмъ—Голгоѳу съ крестомъ. Въ первыхъ трехъ явленіяхъ, по видимому, представленъ былъ и адъ съ грѣшниками, которые періодически поднимались изъ него, какъ изъ подполья, и повторяли свой жалобный вопль.

Г. Миронъ (псевдонимъ Ив. Франка), открывшій и издавшій этотъ Діалогъ, полагаетъ, что онъ написанъ и сценированъ не въ глухомъ селѣ Смерекѣ, въ которомъ найденъ, а въ какомъ нибудь большомъ городѣ или монастырѣ, напримѣръ во Львовѣ, Жолквѣ, но никакъ не во Львовскомъ Ставропигіальномъ братствѣ, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка, а макаронизмъ польскаго съ народнымъ былъ почти не мыслимъ: Г. Миронъ склоняется къ тому предположенію, что Діалогъ былъ разыгрываемъ, а можетъ быть и написанъ въ Жолквѣ, при дворѣ могучихъ въ то время пановъ Собѣскихъ, и готовъ приурочить его къ 1660 году,

въ которомъ въ Жолквѣ введенъ былъ новый обычай торжественнаго празднованія Пасхи ¹⁾.

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что даже въ 1736—1738 годахъ въ Кіевской Академіи бывали воспитанники изъ округовъ Львовскаго и Жолковскаго ²⁾. Такіе воспитанники могли занести на свою родину и готовую пьесу, или же сочинить ее по изученнымъ ими въ школѣ пѣтическимъ правиламъ. Нашъ діалогъ несложенъ по составу дѣйствующихъ лицъ и по сценической обстановкѣ и легко могъ быть поставленъ на сценѣ при участіи мѣстныхъ церковно-приходскихъ школяровъ.

4) Несомнѣнно отъ пасхальной какой-то драмы сохранился „Антипролог“, найденный І. Франкомъ въ библиотекѣ Львовскаго „Народнаго Дома“, неизвестно какого времени вѣроятно конца XVII вѣка ³⁾. Антипрологъ представляетъ изъ себя какъ бы программу болѣе или менѣе обширной драмы и по своему содержанію раздѣляется на двѣ части, можетъ быть соотвѣтственно двумъ дѣйствіямъ драмы: въ первой части говорится о грѣхопадѣніи прародителей и изгнаніи ихъ изъ рая, а во второй—объ избавленіи ихъ изъ ада воскресшимъ Спасителемъ.

„Антипрологъ“ начинается разговоромъ Адама съ Евою любовавшеюся древомъ познанія добра и зла. Адамъ напоминаетъ ей о заповѣди Божіей не касаться этого дерева. Но Ева, обольщенная дьяволомъ, отвѣчаетъ мужу:

Не вѣси, яко Богъ премудрость отъ насъ утай,
Да не ѣдше отъ древа яко наемни будемъ въ рай.
Азъ слышахъ, яко аще отъ древа сего ями,

¹⁾ „Мистерія страстей Христовыхъ“, Мирона, въ „Кіевской, Старинѣ“, апрѣль, 1891 г., стр. 151—154.

²⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, серия 2, т. I, ч. 2, Кіевъ, 1904, №№ IX и X.

³⁾ Терминъ „Антипрологъ“ мы встрѣчаемъ въ южно-русскихъ школьныхъ пьесахъ съ конца XVII вѣка.

Уже не умремъ, но вѣчне будемъ богами,
Вся убо будемъ знати, яже суть на свѣтѣ
Злая и благая, а нынѣ есмы аки въ клѣтѣ.
Слушай убо мя, Адаме, яжъ отъ сего плода
И сице преславно пойдѣмъ отъ рода въ рода.

Соблазняемый Евою, Адамъ долго не упорствуетъ, рѣшается нарушить заповѣдь Божию и говоритъ Евѣ:

Даждь ми яблоко, любимая невѣста,
Будемъ ясти—то имо, да непогубимъ сіе мѣсто.

Ихъ застаеъ на мѣстѣ преступленія Ангель и укоряетъ ихъ. Адамъ сваливаетъ вину на Еву, а она—на змія:

Не азъ, Адаме, но той, которій мя наустилъ,
Змій, и самъ мнѣ съ древа яблоко спустилъ.
Азъ разумѣла, же рѣчь правдива,
Же буду Богомъ, а то вижу фалшива.
Теразъ же южъ Адамо мусишъ робити,
А а во болѣзни мушу чада родити.

Ангель изгоняетъ прародителей изъ рая. Они плачутъ и причитають по раѣ:

Увы мнѣ окрадену,
Отъ раю удалену,
Увы недоумѣнну,
Человѣку южъ тлѣнну,
Быхъ я во рай яко даръ,
Ахъ, якій погубихъ даръ!
Всей царствуя вселеннѣй,
Ажъ съ всего удаленный.
Южъ буду работати,
Ридлемъ землю копати.
Рай погубихъ безъ ума,
Не вслишу его шума,
Не уздру Содѣтеля
Бога благодѣтеля.
Въ той бѣдѣ южъ умѣрти,
По яблцѣ вкушу смерти.

Во второй половинѣ „Антипролога“ Ангель утѣшаетъ Адама вѣстію о воскресеніи Христовомъ и избавленіи его

изъ ада и пригмашаетъ его съ Евою къ веселію и водворенію съ ангельскими ликами. Вмѣстѣ съ Адамомъ и Евою радуются и другіе ветхозавѣтные праведники, изводимые изъ ада для жизни на небѣ.

Д а в и д ъ.

Воста яко снѣ Христосъ насъ ради пробужденный,
Возродивъ изъ ада родъ отриновенный.
Древле звахомъ до Содѣтеля своего,
Да насъ возведетъ погибшихъ изъ ада сего.
Ное, Енохъ тамъ волали съ нами,
Іеремія, Ісаія землю обливали слезами,
Люде во тмѣ видѣли свѣтъ велий,
Гды мають воскресенія день веселый.
Вижу нынѣ конецъ пророчества моего,
Гды оглядаю Христа воскреснаго.

Самуилъ пророкъ.

Христосъ воскресъ, о которомъ повѣдаемъ давно,
Который смерть и Ада побѣдилъ преславно.
Збузивъ всю вражію державу
И самаго Люцифера пышну стеръ главу.
Насъ выводитъ всѣхъ пророкъ зъ некла весело,
Жебисмо ослѣди въ небѣ ангелское коло.

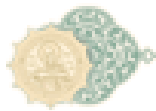
Замѣчательно, что въ этомъ отрывкѣ не Богъ непосредственно бесѣдуетъ съ праотцами, а Ангелъ ¹⁾).

Какъ бы подробнымъ развитіемъ второй части приведеннаго „Антипролога“ является пьеса—

5) „Слово про збурене Цекла“. Остовъ этой южно-русской драмы сначала воспроизведенъ былъ Ів. Франкомъ по малограмотной позднѣйшей записи Галиційскаго крестьянина

---

¹⁾ „Нові матеріали до історії українського вертепа“, І. Франка, въ „Запискахъ Наукового Товариства імени Шевченка“ 1908 г., кн. II, стр. 30—34. Сн. „Жалостную комедію объ Адамѣ и Евѣ“ въ „Рускихъ драматическихъ произведеніяхъ 1672—1525 годовъ“, Н. Тихонравова, т. I, Спбургъ 1872 г., стр. 243—269.

Оомы Кышка и по аналогичной пасхальной виршѣ, записанной изъ устъ народа въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Впослѣдствіи г-ну Франку удалось найти въ Галиціи двѣ болѣе раннія записи этой пьесы, относящіяся къ XVIII вѣку, и издать по нимъ сводный текстъ драмы.

Общій ходъ пьесы—слѣдующій. Люциферъ бесѣдуетъ съ Адомъ и говоритъ, что онъ Люциферъ слышалъ о Христѣ, Маріинѣ Сынѣ, предвозвѣщенномъ пророками, будто бы Онъ Богъ и человѣкъ и заберетъ у нихъ всѣхъ узниковъ. Но онъ Люциферъ имѣетъ множество слугъ, черезъ которыхъ знаетъ, что дѣлается не только на землѣ, но и на святыхъ облакахъ, и на краю свѣта; знаетъ Творца Предвѣчнаго, живущаго на небѣ, но не можетъ понять того, чтобы на землѣ былъ Сынъ Божій; онъ ненавидитъ называемаго Сыномъ Божиимъ всѣми силами своей души. Когда Богъ создалъ Адама изъ земли и посадилъ его въ раю съ женою, то онъ Люциферъ внушилъ имъ черезъ змѣя мысль преступить заповѣдь Божию и затѣмъ посмѣялся надъ человѣкомъ, когда онъ изгнанъ былъ изъ рая и осужденъ воздѣлывать землю. Знаетъ онъ Люциферъ и то, что Богъ имѣетъ девять чиновъ ангельскихъ, отъ которыхъ принимаетъ на небѣ хвалу, и что онъ только подумалъ сравниться съ Богомъ и за то свергнуть былъ съ неба; но знаетъ также и то, что, соблазнивъ Адама ко грѣху, онъ и потомство Адамово подчинилъ себѣ, сталъ устраивать Адъ и заключилъ въ него не только Адама, но и всѣхъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, царей и рыцарей, Іоанна Предтечу, и надѣется имѣть у себя и самого Христа.

Адъ предостерегаетъ Люцифера, что хотя у нихъ и есть до ста тысячъ слугъ, но не слѣдуетъ трогать І. Христа, а нужно оставить его въ покоѣ; потому что Христосъ еще недавно вырвалъ изъ Ада четверодневнаго Лазаря, несмотря на отчаянное сопротивленіе адскихъ силъ. Нужно опасаться, чтобы и самима не попасть въ неволю.

Люциферъ старается успокоить Адъ и сообщаетъ ему, что постарается собрать многочисленное войско противъ страшнаго Маріина Сына и храбро сразиться съ Нимъ, и что онъ уже предпринялъ противъ Него рѣшительныя мѣры.

Уже я напустилъ на него жидовъ, и вошли у раду,

Аби на него нашли фальшивую зраду.

И до того подмовилемъ своего утѣшителя Иуду,

Аби видалъ Исуca до фалшивого суду.

Бо гдижъ чинить ся Богомъ бити,

А хто жъ предъ нимъ стоитъ его боронити?

Теперь при нему не видно и жадного апостола.

И Марія боится за нимъ причинити.

Не вижу я его, бо ся онъ и мене боить.

И отъ тихъ апостоловъ его дванадцать

Не будемо боязливими,

Хочъ би било ихъ тысящъ килка—двадцать.

Отъ заразы будутъ на него жиди сторону имѣти

И насъ о помощь барзо просити.

И попускаю я слугъ своихъ,

Отъ которихъ маю приязнь прихилную,

И въ каждой годинѣ будемъ мати вѣдомость вѣрную,

Въ каждой годинѣ буду знати,

Що той Исусъ будетъ умѣти и що будетъ дѣлати.

На новое предостереженіе со стороны Ада Люциферъ отвѣчаетъ ему:

Але, Аде, добру я надѣю маю,

Душу Христову себѣ понимаю.

Заразы пошлю з войскомъ старшого воеводу Трубая,

И другаго Венеру, тамъ нехай бѣгаютъ

Под мѣсто Ерусалимъ до великаго гаю,

Аби Христа пилно стерегли,

Жеби аггели душѣ его до неба не взяли.

Основаніемъ надежды Люцифера на успѣхъ служить его невѣріе въ божество І. Христа:

Гди бы онъ билъ Божій Синъ, не терпѣлъ бы онъ муки,

Не выдавалъ би Онъ себе въ жидовскіе руки.

По совѣту Ада, Люциферъ укрѣпляетъ пекло и снаряжаетъ многочисленное войско противъ Христа.

Между тѣмъ является въ Адѣ Іоаннъ Креститель, проповѣдуетъ о скоромъ сошествіи Спасителя во Адъ для избавленія грѣшниковъ и призываетъ Давида веселиться и ударить въ струны въ виду ожидаемаго пришествія Спасителя. Люциферъ запрещаетъ Предтечѣ смущать насельниковъ Ада своимъ благовѣстіемъ и велитъ дать ему напиться смолы и адакаго кваску.

Въ это время, одинъ за другимъ являются къ Люциферу вѣстники отъ посланныхъ имъ противъ Христа воеводъ и сообщаютъ ему радостныя для него вѣсти. Одинъ посланецъ доноситъ, что Христосъ уже въ оковахъ, и жиды водятъ его „отъ ради до ради, а нѣхто ему не дастъ поради“, что его скоро поведутъ за городъ и тамъ готовятъ для него побное мѣсто; другой вѣстникъ докладываетъ, что Христосъ уже распятъ на крестѣ и прибитъ желѣзными гвоздями; третій вѣстникъ извѣщаетъ, что Христосъ уже умираетъ на крестѣ, претерпѣвъ страшныя мученія, и что воеводы Люциферовы остались тамъ только для того,

Аби душу его взявши принесли сюда на наши угоды.

Люциферъ торжествуетъ; но Адъ опять предостерегаетъ своего товарища, чтобы онъ не бралъ въ пекло душу Христову:

Нехай душа его идетъ до неба,

А намъ ей тутъ не треба.

Бо всѣ пророки поднесли ся и радуютъ,

Приходъ его духомъ святымъ чуютъ.

Не успѣлъ Адъ окончить своей рѣчи, какъ прибѣгаетъ четвертый гонецъ и докладываетъ, что Христосъ уже умеръ; но когда душа его вышла изъ тѣла, то она окружена была сонмами ангеловъ, земля заколебалась, солнце и мѣсяцъ въ кровь премѣнились, мертвые воскресли изъ гробовъ, отъ страха всѣ упали на землю и лежали на ней три часа. Приходятъ и воеводы Венера и Трубай и говорятъ, что они хотѣли—было Христову душу взять къ себѣ,—

Але Божіи сили не дали къ ней приступати,—
и что, по всей вѣроятности, Христосъ придетъ въ Адъ и
заберетъ изъ него съ собою всѣхъ, начиная съ Адама.

Люциферъ смущается и какъ бы колеблется въ при-
знаніи Христа Сыномъ Божиимъ:

Если Онъ Божій Синъ, нехай собѣ в неби пануеть,
А з нами и Пекломъ нехай ся не воюеть.

Но, при всемъ томъ, въ силу своей сатанинской гор-
дости, онъ не хочетъ уступить Сыну Божию, собираетъ свое
войско и укрѣпляетъ твердыни Ада, чтобы дать отпоръ
Сыну Божию. Онъ ожидаетъ только прибытія послѣдняго
гонца.

Этотъ послѣдній доносятъ Люциферу и Аду, что на
нихъ надвигается уже грозный царь Христосъ со множе-
ствомъ ангеловъ, архангеловъ и божественныхъ силъ. Они
дѣйствительно подступаютъ къ Аду, и имъ не могутъ про-
тивостоять пренеподвѣныя силы и въ ужасѣ падаютъ ницъ.

Христосъ приходитъ къ адскимъ вратамъ и возгла-
шаетъ:

Господъ силенъ во брани,
Возмѣте врата, князи, ваша,
И возмѣтесе врата вѣчная,
Внидетъ въ васъ царъ слави.

Когда Люциферъ не пускаетъ его, Христосъ благо-
словляетъ адскія врата „корогвою“ и говорить:

! осподъ крѣпокъ и силенъ въ брани!
Возмѣтесе врата вѣчнаи.
Внидетъ во васъ царъ слави.

Когда Люциферъ и во второй разъ не хотѣлъ впустить
Иисуса въ Адъ, то Христосъ снова благословляетъ „корог-
вою“ адскія врата, произнося:

Ото входитъ во васъ царъ слави!
Господъ силенъ, той есть царъ слави!

Врата распадаются и открываютъ Спасителю входъ
въ Адъ.

Ветхозавѣтные праведники освобождены Христомъ изъ Ада, за исключеніемъ премудраго Соломона, который освобождается изъ Ада своею хитростію. На вопросъ Люцифера, зачѣмъ онъ остался въ Аду, Соломонъ отвѣчаетъ:

Южъ повторне Христосъ по мене принде;
Страшный его былъ приходъ первій,
Еще другій страшнѣйшій буде.

За это бѣсы выгнали Соломона изъ Ада. „Соломонъ скачучи почаль спѣвати“. Въ заключеніе онъ выхваляетъ Бога въ Троицѣ и Пречистую Богородицу словами церковной пѣсни („Богородична“): „Преблагословена еси Богородице Дѣво! Воплотивий (вымъ) бо ся изъ Тебе Адъ плѣненъ бысть, Адамъ призвася, клятва потребися, Ева свободися, смерть умертвися, и ми ожихомъ. Тѣмъ поюще воспоемъ: Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, изволивый и такая. Слава Тебѣ“¹⁾.

Въ основаніи этой драмы лежатъ ветхозавѣтныя пророчества о сошествіи Спасителя во адъ (напр., псалмопѣвца Давида) и новозавѣтныя сказанія объ этомъ событіи, а нѣкоторыя подробности ея заимствованы изъ апокрифическаго Никодимова евангелія и изъ такого же слова Евсевія Александрійскаго на великій пятокъ.

Нося общехристіанскій характеръ, сюжетъ этой драмы разрабатывался и въ западно-европейской и въ польской режіозной драмѣ, а именно въ мистеріальныхъ пьесахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Descensus, но не съ такою обстоятельною подробностію, какъ въ нашей драмѣ²⁾, кото-

¹⁾ „Южно русская пасхальная драма“, Мирона, въ „Кіевской Старинѣ“, іюнь, 1896 г. стр. 380—412; „Слово про збуреніе Пекла“, Ив. Франка, въ „Запискахъ Науковаго Товариства імени Шевченка“, 1908 г., кн. 1, стр. 5—50.

²⁾ „Записки Науковаго Товариства імени Шевченка“, 1908 г., кн. 1, стр. 36 и слѣд.

рая несомненно получила свою обработку въ нѣдрахъ православной Церкви ¹⁾. Извѣстно и нѣсколько русскихъ иконъ Сочествіи Спасителя во адѣ, на которыхъ воспроизводятся нѣкоторыя подробности Никодимова евангелія и слова Евсевія Александрійскаго ²⁾. Самое заключеніе пьесы „Богородичномъ“ не произвольно сдѣлано авторомъ, а имѣетъ корни въ древне русской письменности. Въ одной рукописи XVII в. на вопросъ „чесо ради пишутся крилѣ у Ивана Предтечи, при животѣ ли его даны ему бысть, или по смерти его“,—дается такой отвѣтъ: „При животѣ бысть Іванъ Предтеча, яко же и протчіи чловѣкъ, носяше власиницу. И по смерти—ангелъ, и сниде во адѣ душою и радость всѣмъ возвѣсти, во адѣ крылатъ бѣ, и воспѣвъ: *Превластословенна еси Богородице Дѣво*. И надѣ нимъ во адѣ нѣкоторыя власти не имать, но прежнее начало страху и трепету исполнено“ ³⁾.

Когда и гдѣ составлена эта пьеса, на эти вопросы г. Франко отвѣчаетъ слѣдующими соображеніями. Въ Харьковской губерніи, въ разное время записаны были изъ устъ народа три версіи пасхальной вирши, а именно въ Изюмскомъ, Кулянскомъ и Старобѣльскомъ уѣздахъ, одинаковаго содержанія со „Словомъ про збурене пекла“. Вирша иногда заимствуетъ изъ драмы даже собственныя имена (напр. „Бынарей“ и „Трубарей“) и цѣлыя стихи и двустишія, но въ то же время опускаетъ нѣкоторые эпизоды драмы, а

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самый конецъ драмы, состоящей изъ „Богородична“.

²⁾ См. „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Атласъ снимковъ. Части I и II“. Н. П. Лихачева. СПбургъ, 1906 г., №№ иконъ 227, 425, 423, 424, 425, 426, 484, 491 и др.

³⁾ Рукопись бібліотеки Смоленской дух. Семинаріи № 1497, л. 112, „О иконѣ Іоанна Предтечи“. Сообщилъ Д. К. Вишневекій.

ные переставляетъ на другое мѣсто. Во всякомъ случаѣ, генетическая связь между драмой и виршей стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Г. Франко предполагаетъ, что Харьковская пасхальная вирша представляетъ изъ себя сокращеніе и передѣлку пасхальной драмы, занесенной изъ глубины Галиціи при переселенческомъ движеніи малороссовъ правобережной Украины въ Слободскую Украину, начавшемся со второй половины XVII в. Составленная въ первой половинѣ XVII в. на правомъ берегу Днѣпра, эта драма быстро сдѣлалась популярной и распространялась не только съ подмошковъ, сооружавшихся по городамъ въ страстный пятокъ или въ самой церкви, или внутри церковной ограды для представленія страданій, смерти и воскресенія Спасителя, но и въ рукописяхъ, какъ назидательное чтеніе. И когда религиозная драма пришла въ упадокъ, она въ лѣвобережной Украинѣ сократилась въ виршу и въ этой новой формѣ живетъ до сихъ поръ въ памяти народной. Только на при-Днѣпровской Украинѣ доселѣ не найдено никакихъ слѣдовъ этой драмы или указаній на нее. По мнѣнію г. Франка, составленіе драмы должно быть отнесено къ первой половинѣ XVII вѣка. На это указываютъ и самыя вирши, и формы драмы, напоминающія складъ козацкихъ думъ, сочинявшихся въ это время ¹⁾.

Не смотря на заманчивость этой теоріи передвиженія нашей драмы изъ захоlustьевъ Галиціи въ Слободскую Украину, мы, однако, не рѣшаемся принять ее съ полнымъ довѣріемъ. Эта теорія утверждается у г. Франка, между прочимъ, на томъ его положеніи, будто бы Галицкое Подгорье гдѣ найдена драма, представляетъ изъ себя такой уголокъ, „который, начиная со временъ Владиміра Великаго вплоть

¹⁾ „Кіев. Старина“, іюнь, 1896 г., стр. 412; „Записки Науковаго Товариства імені Шѣвченка“, 1908 г., кн. 1, стр. 49 и 50.

до настоящего дня, жилъ отдѣльной отъ лѣвобережной Украины политической жизнью, входилъ и входитъ въ составъ совершенно отличныхъ и во многомъ рѣзко обособленныхъ политическихъ организмовъ" ¹⁾. Но мы уже знаемъ, что и Галиція во всемъ ея объемѣ ни въ XVII, ни даже въ XVIII вѣкахъ не прекращала своихъ связей съ Кіевомъ и посылала свое юношество учиться въ Кіевской Академіи ²⁾. Поэтому весьма возможно, что и Галицкая драма, и Харьковская пасхальная вирша имѣютъ прототипъ свой въ какой-либо школьной драмѣ, составленной въ Кіевской Академіи, откуда она могла быть одинаково занесена въ разныя стороны, съ одной стороны въ Галицію, а съ другой въ Слободскую Украину, и получить здѣсь болѣе или меньше значительную переработку.

А что въ Кіевской Академіи были сочиняемы и представляемы подобныя драмы, это можно видѣть изъ двухъ дошедшихъ до насъ, недавно обнародованныхъ Кіевскихъ драмъ „Царство натуры людской“, 1698 года, и „Торжество естества человѣческаго“, 1706 года. Въ обѣихъ этихъ пьесахъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ выводится Люциферъ, какъ и въ „Словѣ про збуржене пекла“. Въ первой изъ этихъ пьесъ, въ первомъ актѣ, объясняется причина возстанія Люцифера противъ Бога и вражды его къ людямъ. Предвидя, что Богъ превознесетъ Натуру людскую превыше всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, Люциферъ возмущается противъ Бога и старается погубить человѣка. Во второмъ актѣ Злость Люциферова, получивъ вѣсть о предстоящемъ пзведеніи Натуры людской изъ преисподней, принимаетъ всѣ мѣры къ укрѣпленію ада и увеличенію адскихъ мукъ для Натуры людской. Въ сценѣ пятой того же второго акта таже Люциферова Злость ставитъ Смерть

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 411.

²⁾ См. выше.

царицею надъ людскою Натурою, и Смерть дѣйствительно царствуетъ во всемъ мірѣ и общается совершенно покорить себѣ людскую Натуру. Къ сожалѣнію, списокъ этой пьесы дошелъ до насъ безъ окончанія¹⁾.

Есть сходные мотивы и точки соприкосновенія со „Словомъ про збуржене пекла“, и въ пьесѣ „Торжество естества человѣческаго“, 1706 года, особенно во второй его части. Здѣсь, въ „Антипрологѣ“, Смерть такъ же величается своимъ побѣдами въ Мірѣ, какъ Люциферъ въ „Словѣ про збурене пекла“. Сонмище еврейское, нанявъ стражу ко гробу Господню и запечатавъ его крѣпкими печатами, находитъ камень отваленнымъ отъ гроба, а стражу—пораженною ужасомъ при воскресеніи Христа, но, по упорству, подкупаетъ стражу распустилъ вѣсть, будто бы во время ея сна ученики украли изъ гроба тѣло Иисусово. Въ шестомъ явленіи Милость Божія освобождаетъ Естество человѣческое изъ ада съ ветхозавѣтными прародцами и возводитъ его отъ земли на небо; Адъ ярится и высылаетъ противъ Милости Божіей семиглаваго змія; но побѣда Христова побѣждаетъ змія и связываетъ Адъ вѣчными узами²⁾.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что въ Кіевской Академіи существовалъ цѣлый циклъ драматическихъ представленій на тему о сбуреніи пекла, между которыми нужно предположить и драму, послужившую образцомъ для „Слова про збурене пекла“ и Харьковской пасхальной вири. Судя по времени соответствующихъ „Слову“ Кіевскихъ драмъ 1698 и 1706 г. г., мы отнесли бы прототипъ „Слова про збурене пекла“ къ концу XVII или къ началу XVIII вѣка.

Предполагая собою неизвѣстную пассіональную драму, „Слово про збурене пекла“ и Харьковская пасхальная вир-

¹⁾ См. выше и „Памятники русской драматической литературы“, В. И. Рязанова. Пѣжинъ, 1907 г., стр. 121 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 66—84.

ша интересны въ томъ отношеніи, что свидѣлствуютъ уже о разложеніи этой первоначальной драмы и переходѣ ея въ другія литературныя формы. Какъ вирша, такъ и „Слово про збурене пекла“, написаны стихами болѣе или менѣе свободнаго размѣра, дѣйствительно похожаго на размѣръ казацкихъ думъ вообще, но не исключительно думъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

6) „Розмова вократцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ судіи справедливаго Христа Спасителя“, найдена въ рукописи въ Кулянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Рукопись писана съ пометками и поправками, свидѣлствующими о томъ, что это — черновая авторская рукопись, окончательно выправленная авторомъ.

Краткій прологъ къ этой пьесѣ написанъ весьма невразумительно. Въ немъ говорится слѣдующее:

Не такъ судъ той, якъ звикли описовати люде,
Въ остатній день предъ Сыномъ Бога Отца буде.
Но зъ сей розмови о томъ хтѣмо пам'ятати,
Якъ барзѣй предъ страшнѣйшимъ судомъ мѣмъ стати.
Кгди Сынъ Божій зъ дѣлъ нашихъ будетъ намъ судити;
О горѣ зло творящимъ, кой страхъ будуть мѣти!

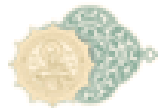
По видимому авторъ хотѣлъ здѣсь отличить второе страшное пришествіе Христова отъ болѣе страшнаго посмертнаго суда Божія надъ каждою душою умирающаго челоуѣка. Объѣтомъ частномъ судѣ онъ и трактуетъ въ своей „Розмовѣ“. На вопросъ возставшихъ изъ гробовъ мертвецовъ,

Кгды на судѣ нинѣ Судіе сѣдаешъ,
Чи и повторѣ жъ насъ судити маешъ?

Праведный Судія отвѣчаетъ:

Не бойтеся, не на судъ то казано вамъ встати,
Но угодно мнѣ есть за свѣдковъ васъ мати.

Грѣшникъ сконалъ, тожъ душу нехай на судъ ставитъ. Картина суда надъ грѣшною душою представлена въ шести „видокахъ“, т. е. явленіяхъ. Въ первомъ явленіи архангелъ Михаилъ вызываетъ умершихъ изъ гробовъ, дабы, въ

качества публики, присутствовали на судѣ и были свидѣтели того, что правосудіе Божіе не творится подѣ влияніемъ „ярости и гнѣва“, а руководствуется лишь „справедливостію“. Во второмъ явленіи Судія приказываетъ архангелу Михаилу ввести судимую душу, которая, не видя возможности защищаться, готова безъ суда пойти въ адъ. На нее набрасывается дьяволъ, но ангелъ хранитель, играющій роль защитника, требуетъ свободы для подсудимой до произнесенія вердикта:

Пречъ, враже! прежде время чѣмъ душу турбуешь?

Можешъ ся омити, што ей обѣщуетъ.

Жила эле, а часомъ тежъ жила и побожне,

Узримъ: нехъ едно идетъ ко суду свободне.

Судья изрекаетъ обвиненіе, согласно предъявленному дьяволомъ „списку“ злыхъ ея дѣлъ; душа старается оправдать чѣмъ нибудь свои проступки и просить о помилованіи. Ангелъ-хранитель въ свою очередь предъявляетъ списокъ добрыхъ дѣлъ ея и просить принять ихъ во вниманіе. Судья назначаетъ провѣрку силы доказательствъ обвиненія и защиты, которая производится въ третьемъ явленіи на вѣсахъ; оказывается, что злыя дѣла перевѣсили добрыя, и ангелъ-хранитель отступаетъ отъ души, предоставляя ей самой сказать последнее слово въ свою защиту. Душа старается свалить часть своей вины на совѣсть и на дьявола.

Згрѣшила-мъ, ахъ згрѣшила! вижду сама явне,

Же шала (вѣсы) добрыхъ дѣлъ злимъ подается снадне;

Ахъ сумлѣня (совѣсть)! чѣмъ же-сь мнѣ не оповѣдило,

Чѣмъ же-сь мя отъ сей казни не остерегало?

Чомъ мнѣ живучой зъ тѣломъ не чинило смутки,

Аби-мъ била въ покутѣ доказала skutku?

Згрѣшила-мъ, але и чортъ зводивъ мя на тое,

Аби-мъ всегда во свѣтѣ починала злое.

Его то сѣти, его справи мя вловили,

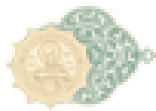
А такъ въ сродіе муки мене утопили.

Совѣсть и дьяволъ опровергають оправданія души.—Въ пятомъ явленіи Судія, поставивъ вопросъ о виновности души, требуетъ отъ 12-ти апостоловъ ихъ мнѣнія. Одиннадцать апостоловъ высказываются за обвиненіе; одинъ только Іоаннъ повергаетъ участь души на усмотрѣніе Судьи, прося о милосердіи. Въ шестомъ явленіи Судія, убѣдившись, что всѣ признають душу достойною наказанія, „выдаетъ декретъ, абы по дѣломъ отнесла заплату“ ¹⁾.

Наибольшее сходство эта „Розмова“ имѣетъ со вторымъ актомъ недавно найденной „Успенской драмы“ св. Димитрія Ростовскаго и съ его драмой „Грѣшникъ кающійся“, въ которыхъ тоже выступаетъ на сцену грѣшникъ и подобнымъ образомъ подвергается суду Божию, но суду длительному, начинающемуся еще при жизни грѣшника и оканчивающемуся за гробомъ. Разница между „Розмовою“ и пьесами св. Димитрія состоитъ и въ томъ, что въ послѣдней грѣшникъ признается достойнымъ наказанія, а въ пьесахъ св. Димитрія, не смотря на свою виновность, получаетъ помилованіе ²⁾. Общій источникъ всѣхъ этихъ трехъ пьесъ заключается въ житіи преп. Василія *Новаго*, составленномъ ученикомъ его Григоріемъ. Этотъ Григорій передаетъ здѣсь слышанный имъ въ сонномъ видѣніи рассказъ преп. Теодоры объ ея приключеніяхъ передъ самою смертію и послѣ смерти, на томъ свѣтѣ. Къ одру умирающей явилось множество еѣіоповъ, т. е., дьяволовъ, съ записями ея грѣховъ, и какъ бы ожидало прихода нѣкоего Судьи. Явились и два ангела, изъ коихъ одинъ говорилъ дьяволамъ: „почто всегда предвараєте ко умирающимъ приходить, и творяще молвы устрашаете

¹⁾ Изд. Ц. Г. Нейманомъ въ „Кіевской Старинѣ“, іюнь, 1884 г., стр. 289—305.

²⁾ Изд. М. Н. Сперавскимъ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, 1907 г., кн. 3, отд. П.

и смущаете всякую отъ тѣла разлучающуюся душу? Но не вельми радуйтесь, здѣ бо не обрящете ничесо же; ибо Божіе есть съ нею милосердіе, и нѣсть вамъ части, ниже жребія въ души ея“. Во время спора ангеловъ съ дьяволами является къ одру умирающей смерть, которая постепенно отнимаетъ у нея разные члены тѣла и наконецъ поитъ ее чашею. Ангелы берутъ душу умершей въ свои руки и, въ противовѣсъ предъявляемымъ дьяволами грѣхамъ ея, собираютъ добрыя дѣла ея: „едино по другому собираху,—говоритъ преп. Θεодора,—и готовиху та положить на мѣрилѣ противъ злыхъ дѣлъ моихъ“. При помощи преп. Висилія Новаго, душа Θεодоры, сопровождаемая ангелами, благополучно миновала 20 мытарствъ, на которыхъ она задерживалась дьяволами и должна была давать отвѣтъ за грѣхи, соотвѣтствующіе извѣстному мытарству. На вопросъ Θεодоры, почему дьяволы знаютъ всѣ грѣхи человѣческіе, ангелы отвѣчаютъ ей, что каждая душа имѣетъ своего ангела—хранителя, записывающаго ея добрыя дѣла, и что къ каждой душѣ сатана приставляетъ и дьявола, записывающаго ея грѣхи, которые потомъ и предъявляются ей на мытарствахъ. „Егда же душа разлучится отъ тѣла,—говорятъ ангелы,—и къ Создателю своему въ небесная взыти тѣхитъ, тогда лукавіи они возбраняютъ ей, показующе написаны грѣхи твѣ. И аще имать душа болѣе добрыхъ дѣлъ, неже грѣховъ, не могутъ удержати ея. Аще же грѣховъ болѣе въ ней обрѣшутъ, удерживаютъ ю на время, и затворяютъ въ темницѣ невидѣнія Бога, и мучать, поелику сила Божія мучити имъ попуститъ, дондеже та душа церковными молитвами и ближнихъ своихъ милостынями искушленіе пріиметъ. Аще же кая душа обрящется толь грѣшна и мерзостна Богу, яко не будетъ ей спасенія надежды, но вѣчная погибель ожидаетъ ю, тую абіе низводятъ въ бездну, идѣже себѣ имать къ вѣчнымъ мукамъ уготованное мѣсто, и тамо держатъ до втораго пришествія Господня“. Пройдя мытар-

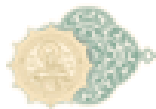
ства, душа преп. Теодоры предстала предъ престоломъ Божіимъ, затѣмъ осмотрѣла райскія обители и адскія муки и наконецъ успокоилась въ обители преп. Василія Новаго ¹⁾).

Тогда какъ св. Димитрій Ростовскій изъ этого длительного процесса суда Божія надъ душой умершаго человека избралъ исходнымъ пунктомъ своихъ драмъ судъ предсмертный, авторъ „Розмовы“ изображаетъ собственно судъ посмертный, облекая его въ формы всеобщаго суда Господня при второмъ пришествіи Спасителя на землю, извѣстныя изъ распространенныхъ въ Россіи картинъ страшнаго суда. Авторъ „Розмовы“, кажется, имѣлъ въ виду подействовать на зрителей и слушателей не однимъ только страхомъ предстоящихъ грѣшникамъ наказаній, но и раскрытіемъ идеи страшнаго суда Божія, разсматривающаго грѣхи людей со строгою справедливостію и вмѣстѣ съ тѣмъ съ законною снисходительностію къ грѣшникамъ. Однимъ изъ признаковъ нелицепріятности суда Божія является и выставляемый въ „Розмовѣ“ состязательный процессъ открытаго, гласнаго судопроизводства, элементы котораго находятъ еще въ житіи преп. Василія Новаго и узаконены были для Юго-Западной Россіи Литовскимъ Статутомъ и Саксонскимъ правомъ.

Авторъ „Розмовы“ несомнѣнно получилъ школьное образованіе и знакомъ былъ со школьными правилами syllabического стихосложенія, хотя послѣднее и не вездѣ имъ строго выдержано. Можно также предполагать, что авторомъ ея былъ приходскій священникъ, хорошо освѣдомленный со всѣми изгибами состоянія грѣшной души и умѣющей сказать за и *противъ* нея. Ближайшимъ поводомъ къ ея

---

¹⁾ Подъ 26 марта. Мы пользовались Московскимъ изданіемъ Четь-Миней 1845 года.

составленію могло послужить годичное воспоминаніе о второмъ пришествіи Христовомъ и о страшномъ судѣ, приурочиваемое православною Церковію къ мясопустной недѣлѣ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ заглавіяхъ „видокѡвъ“ или „видѣній“ есть руководительныя указанія для исполнителей, напр. „дьяволъ показуетъ списку“, „Ангель охранитель присматривается вазѣ, але зліе дѣла добрихъ переважають“ и т. п. Слѣдовательно, „Розмова“ предназначалась для сцены. Она могла быть исполняема школьниками какой нибудь дяковской церковно-приходской школы.

На основаніи языка „Розмовы“, обилующаго полонизмами, и техническихъ театральныхъ терминовъ „видокъ“, „видѣніе“, встрѣчающихся въ пьесѣ объ Алексѣѣ челоувѣкѣ Божіемъ 1673 года, нѣкоторые относятъ „Розмову“ приблизительно къ тому же времени²⁾. Но въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о времени сочиненія „Розмовы“ можетъ имѣть опредѣленіе времени появленія ея первоисточника на югѣ Россіи. Житіе преп. Василія Новаго, откуда взятъ сюжетъ „Розмовы“, заимствовано св. Димитріемъ изъ Московскихъ великихъ Миней, третья четверть которыхъ Мартовская прислана изъ Москвы въ 1695 году³⁾, и явилась въ печати въ январѣ 1700 г.⁴⁾; раньше этого года не могла появиться и „Розмова“. Языкъ ея похожъ на тѣ „барзо простую мову и діалектъ“, какими якобы написалъ свое учительное евангеліе въ 1670 году Рѣшетилевскій священникъ С. Тимофѣевичъ⁵⁾, и можетъ свидѣтельствовать

¹⁾ „Старинный театр въ Европѣ“, А. Веселовскаго, стр. 332.

²⁾ Історія української драми, І. Стешенка, въ „Україні“ сентябрь, 1907 г., стр. 317.

³⁾ „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, И Шляпкина, 1891 г., стр. 255.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 265.

⁵⁾ См. о немъ выше, въ отдѣлѣ о южно-русской литературѣ вообще.

развѣ о правобережномъ происхожденіи автора; а театральная терминологія можетъ свидѣтельствовать только о времени обученія автора въ Киевской Академіи, а не о времени сочиненія пьесы.

7) Большой интересъ, въ смыслѣ проникновенія науки въ народную жизнь, представляетъ изъ себя „*Банкетъ духовный*“, школьный діалогъ конца XVII или начала XVIII вѣка, найденный въ неполномъ спискѣ въ бывшемъ Подгорецкомъ базилианскомъ монастырѣ въ Галиціи. Діалогъ состоитъ изъ трехъ частей: стихотворнаго пролога, разговора и стихотворнаго же эпилога.

Въ прологѣ, отъ котораго сохранился только конецъ, исполнители обращаются къ родителямъ учащихся въ школы дѣтей и посвящаютъ ихъ въ сущность школьнаго ученія, съ тою цѣлію, чтобы слушатели, — какъ говоритъ авторъ, —

На насъ были потомъ бачнѣйшіе
И до своихъ домовъ пріемнѣйшіе.

Самый разговоръ состоитъ изъ „*пытаній*“, и „*отповѣдей*“, т. е. изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Сначала идутъ вопросы и отвѣты общаго, такъ сказать философскаго характера: сколько разъ каждый человѣкъ на свѣтѣ родится? сколько Адамъ прародецъ имѣлъ состояній или испыталь перемѣнъ, будучи въ раю и по изгнаніи изъ него? сколько каждая человѣческая душа имѣетъ въ себѣ состояній? Далѣе слѣдуютъ вопросы и отвѣты чисто катехизическаго свойства о символѣ вѣры, церковныхъ таинствахъ, десятословіи и двухъ важнѣйшихъ заповѣдяхъ его, т. е. любви къ Богу и ближнему, о богословскихъ добродѣтеляхъ вѣрѣ, надеждѣ и любви, о семи смертныхъ грѣхахъ, семи дѣлахъ милосердія и о памятованіи смерти, суда, ада и царства небснаго.

Послѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическаго содержанія опять слѣдуютъ вопросы общаго, какъ бы философскаго содержанія, или „*квестіи* посполитыхъ людей“ : на-

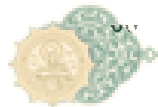
сколькo земля выше небесъ? какіе святые освятились еще въ утробѣ матерней? какія дѣти спорили между собою еще до своего рожденія? кто исполнилъ Божіе повелѣніе, но погибъ за то? кто по смерти пилъ и ѣлъ и больше не умиралъ? кто родился прежде отца и матери? много ли есть чистыхъ водъ?

Эпilogъ гласить такъ:

Южъ дошелъ конецъ, на томъ теразѣ стало,
 Пребачте, бо ся розне мотало.
 Здало бы ся было вамъ уконтентовати,
 Цные слухаче, болше банькетовати.
 Еднакъ кто слухалъ и, писма не знаючи,
 Силу зрозумѣлъ, въ памяти маючи,
 Вшисткихъ заровно просимъ, пребачте,
 Якъ то отъ дѣтей ласкаве пріяти рачте.
 А свое дѣти до школы давайте,
 Бы ся учили въ школѣ шанувати
 Родичовъ своихъ, якъ тежъ и Бога знати.
 Не допускайте дѣтемъ своей волѣ,
 Не поблажайте, хочъ выбють въ школѣ.
 Слезы то чистые очи вытискають,
 Гды капость у школѣ дѣти пріймають.
 Але, якъ бачу, всѣ ходять по воли,
 Ажъ хибя сотый дастъ хлопця до школы.
 Для того вѣра въ Россіи угасаеть,
 Же справу дати, якъ вѣритъ, не знаетъ.
 Презъ що подданство сroгое настало,
 Чемъ панство нашей Россіи упало.
 Поневажъ вѣкъ свой въ пустотѣ стравили,
 А въ наукахъ бы наміѣи ся не бавили.
 Жаль то незносный мѣвши та не мѣти,
 Прето давайте до школъ свои дѣти,
 Досыть бо на томъ молитвы успѣти,
 И вѣру свою строха зрозумѣти.
 При семъ и тоє вамъ до слуховъ приносимъ,
 За якую колвекъ працу оремусу (oremus) просимъ¹⁾.

¹⁾ „Банкетъ духовный“, Мирона (Ив Франка) въ „Киевской Старинѣ“, апрѣль, 1892 г., стр. 59—70.

Изъ этого эпизода видно, что „Банкетъ духовный“ исполнялся предъ какою либо сельскою „громадою“, изъ среды которой иные были и неграмотны и едва сотый отдавалъ дѣтей своихъ въ школу, Исполнялся онъ школьниками какой нибудь дяковской или соответствующей ей монастырской сельской школы, подъ руководствомъ пана-бакаляра или, что тоже, дяка. Но этотъ дякъ представляетъ собою уже переходный типъ отъ прежняго простаго начетничества къ систематическому школьному образованію. Онъ не чуждается еще доморощенной народной мудрости апокрифическаго или легендарнаго происхожденія и характера; но въ то же время обнаруживаетъ знакомство со школьными правилами силлабическаго стихосложенія и даже съ латынью, какъ напр. въ словахъ „квесціи“, *огemus* и т. п., и предлагаетъ здоровое катехизическое ученіе, можетъ быть вынесенное имъ изъ той латино-русской школы, въ которой учился самъ.

Извѣстно, что сельскій дякъ, завѣдывавшій и церковно-приходскою школою, обыкновенно считался носителемъ деревенской мудрости, къ которому прихожане обращались за разъясненіемъ недоумѣнныхъ вопросовъ высшаго вѣдѣнія. Къ сельскому дяку приурочена была въ Юго-Западной Россіи такъ называемая „евангелистая пѣснь“, ведущая свое начало изъ глубокой западно-европейской древности и затѣмъ перешедшая въ Россію. Одна изъ юго-западныхъ редакцій „евангелистой пѣсни“ начинается такъ:

Ой ты дячко ученый.

Надъ школами выбранный!

Скажи, дячко, що есть разъ?

Единъ Сынъ Маріинъ;

Той въ небі царствуетъ—крулюе

Надъ нами панами ¹⁾.

---

¹⁾ Последнее слово *панами* вставляется для удобства пѣнія и, вѣроятно, замѣняетъ собою какое нибудь утраченное слово первоначальнаго текста.

Потомъ слѣдуютъ вопросы: что есть два, что есть три, и т. д. до 12-ти включительно. При каждомъ отвѣтѣ на новый вопросъ повторяются отвѣты и на прежніе вопросы, такъ что на послѣдній вопросъ, „що есть дванадцать“, повторяется, въ обратномъ порядкѣ, все, что было сказано на предыдущіе 11-ть вопросовъ:

Дванадцать апостоліевъ,
[Единънадесять праотецъ],
Десять божіихъ приказаній,
Девять чиновъ ангеловыхъ,
Сімя Божіихъ таинствъ,
Шість крыжовъ крыжованыхъ,
Пять ранъ терпівъ Панъ
За насъ грішныхъ христіанъ,
Штирі лісти вангелисты,
Три лиця въ єдиніці,
Дві Моисієви таблиці,
Єдинъ Сынъ Маріянъ
Той въ небі царствуетъ—крулює
Надъ нами панами ¹⁾.

Въ разныхъ дяковскихъ рукописныхъ сборникахъ встрѣчаются и другіе подобные вопросы и отвѣты высшаго вѣдѣнія, въ духѣ извѣстной апокрифической „Бесѣды трехъ святителей“, напримѣръ: „кто первый пророкъ о крестѣ Христовомъ пророковалъ? что есть ребра Северова и градъ царя великаго?“ ²⁾ и т. п.

Подобные вопросы и отвѣты или „квєстіи посполитыхъ людій“ мы видимъ и въ „Банкетѣ духовномъ“. Такъ, на примѣръ на вопросъ о томъ,—насколько земля стоитъ выше неба,—дается такой отвѣтъ: „въ єдинствѣ Христовомъ за

¹⁾ См. „Труды Кіевской Дух. Академіи“, іюнь, 1872 г., стр. 466—470.

²⁾ „Записки українського Наукового Товариства въ Київі“, кн. 2. Кієвъ 1908 г., стр. 109; см. „Записки Наукового Товариства імені Шевченка в Львові“, 1908 г., кн. 4, стр. 172—3.

четырехъ элементовъ понева жъ въ тѣлѣ увельбеномъ, надъ всѣ небеса сѣдитъ по правици Отца своего“, т. о. земля, вошедшая въ составъ плоти Христовой, сидитъ выше всѣхъ небесъ, одесную Отца. Есть у нашего автора и специально педагогическіе вопросы и отвѣты, напримѣръ: „*Питаніе...* много водъ есть найчистшихъ?—*Отповѣдь*. Пять. Первая при крещеніи, другая Іорданская, третья слезы, которіи за грѣхи вытѣкають, четвертая слезы дѣтей малыхъ, же гды ихъ родичове за выступки каруть и въ школѣ; пятая котрая на млинѣ идетъ“.

Но существенное ядро „Банкета духовнаго“ составляетъ краткій школьный катихизисъ. При своей краткости, онъ обнимаетъ всю широту Христіанскаго вѣроученія и несомнѣнно составленъ православнымъ авторомъ, признававшимъ исхожденіе Св. Духа отъ единого Отца. Въ основаніи этого катихизиса лежитъ школьный катихизисъ, составленный въ Киевской Академіи по католическому богослову Беллирмину и со второй половины XVII вѣка преподававшійся здѣсь на латинскомъ языкѣ въ низшихъ классахъ Академіи ¹⁾. Онъ извѣстенъ и въ славяно-русскомъ переводѣ ²⁾, испыталь нѣкоторое сокращеніе и помѣненіе въ катехизисахъ студенческихъ конгрегацій Киевской Академіи начала XVIII вѣка ³⁾ и въ такомъ видѣ употреблялся на сѣверѣ Россіи въ качествѣ катихизиса для экзаменатора ставлениковъ и

¹⁾ „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“, Н. Петрова, Кіевъ 1895 г., приложение VI, стр. 147—171. См. „Акты и документы относящіеся къ исторіи Киевской Академіи“, т. IV, Кіевъ, 1907 г., стр. 245.

²⁾ „Кіев. Академія во второй половинѣ XVIII в.“, Н. Петрова, приложение VI, стр. 147.

³⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Киевской Академіи“, серія 2—я, т. 1, ч. 1, Кіевъ, 1904 г., № VI, стр. 51—62

для миссіонеровъ, какъ это можно видѣть изъ катихизиса Арсенія Мацѣевича 1738 года ¹⁾. Катихизисъ нашего „Банкета духовнаго“ по своему составу наиболѣе подходитъ къ конгрегаціонному катихизису 1731 года ²⁾.

Во всякомъ случаѣ, для насъ кажется несомнѣннымъ, что катихизическая часть „Банкета духовнаго“ заимствована изъ Киевской Академіи и занесена въ Галицію кѣмъ-либо изъ ея воспитанниковъ.

Главная цѣль „Банкета духовнаго“ была высоко-патріотическая: это—заставить крестьянъ отдавать своихъ дѣтей въ школу и сколько нибудь поднять народное образованіе въ Россіи, недостатокъ котораго былъ причиною оскуднѣнія православной вѣры, усиленія крѣпостничества и политическаго паденія Россіи:

Для того вѣра въ Россіи угасаетъ,
 Же справу дати, якъ вѣритъ, не знаетъ.

Презъ що подданство срогое настало,
 Чемъ панство нашей Россіи упало.

Но при этомъ авторъ „Банкета духовнаго“ не забываетъ и себя и просить своихъ слушателей, чтобы они охотиѣ принимали учителей въ свои дома и вознаграждали ихъ за ихъ труды.

Вѣроятно: „Банкетъ духовной“ исполнялся на публичномъ актѣ какой нибудь сельской школы.

Всеѣ эти пьесы, найденныя въ Галичинѣ и въ Слободской Украинѣ, не отличаются широтою объема и не требуютъ для себя многочисленныхъ исполнителей. Это или только конспекты и афиши пьесъ, или одноактные сцены въ нѣ-

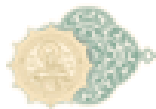
¹⁾ „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, 1907 г., кн. 3, стр. 297—312.

²⁾ „Акты и документы относящіеся къ исторіи Киевской Академіи“, серия 2, т. I, ч. 1, Киевъ, 1904 г., стр. 55—59.

сколькихъ явленіяхъ, или діалоги, соотвѣтствующіе одному явленію. По всей вѣроятности, ядромъ или, по крайней мѣрѣ, исходнымъ пунктомъ для ихъ развитія послужили тѣ небольшія сцены изъ драмъ, діалоги и декламаціи, которые школьными правилами предписывалось ежемѣсячно задавать ученикамъ на память и разыгрывать въ классѣ, но не болѣе, какъ въ теченіи получаса или, по крайней мѣрѣ, часа, и притомъ безъ театральной обстановки ¹⁾. Таковы напр., декламаціи на Обрѣзаніе Господне и память Св. Василя Великаго, т. е. на Новый годъ, о св. Екатеринѣ ²⁾, и др. По разнообразію своего состава и незатѣйливости сценической постановки, они представляли изъ себя богатый сподручный матеріалъ для выбора сюжетовъ, болѣе или менѣе интересныхъ и доступныхъ пониманію невзыскательной публики и легкихъ для переработки, подражанія и сценическаго представленія. Въ числѣ такихъ сюжетовъ мы видимъ даже школьный катихизисъ, преподававшійся въ низшихъ классахъ Кіевской Академіи („Банкетъ духовный“) Подобные сюжеты прежде всего могли быть разносимы во всѣ концы Малороссіи странствующими студентами, отправлявшимися на „эпетицію“ или вакаціи; но они могли быть обрабатываемы и студентами, получившими уже осязательность, на основаніи піитическихъ правилъ тѣхъ школъ, въ которыхъ они воспитывались. „Размову о душѣ грѣшной“ мы предположительно приписываемъ приходскому священнику, а на примѣрѣ Св. Димитрія Ростовскаго мы увидимъ впоследствии, что иногда и настоятели монастырей негнушались заниматься піитическимъ творчествомъ назидательныхъ духовныхъ драмъ. Соотвѣтственно объему пьесъ этой категоріи, сценическая постановка ихъ была несложная; нѣтъ въ нихъ указаній на ту пышность и роскошь сценической обстановки, какія

¹⁾ „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.“, Н. Петрова, Кіевъ, 1895 г., стр. 77 и 83.

²⁾ См. о нихъ выше.

мы видѣли въ дѣйствіяхъ, исполнявшихся въ самой Киевской Академіи. Нѣкоторые изъ нихъ, по видимому, исполнялись въ храмахъ (галиційская пьеса на Р. Христова), а другія—въ церковно-приходскихъ дьяковскихъ школахъ („Розмова“, „Банкетъ духовный“). Но за то онѣ рѣзко отличаются отъ слишкомъ церемонныхъ дѣйствъ самой Киевской Академіи сравнительною жизненностію содержанія, приспособленностію къ окружающей дѣйствительности и къ насущнымъ религіознымъ нуждамъ простого народа. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые изъ нихъ, наприм. „Слово про збурене пекла“, получили въ свое время довольно широкое распространеніе и въ измѣненномъ видѣ (вирши) доселѣ удерживаются въ устахъ простого народа. Но во всякомъ случаѣ пьесы этого рода все-же выражаютъ собою одну изъ сторонъ Киевской школьной драмы, въ практическомъ примѣненіи ея къ текущимъ, насущнымъ религіознымъ нуждамъ страны.

Н. Петровъ.

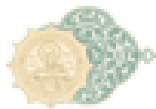

Къ исторіи Кіевско́й духо́вной Академіи въ XVII — XVIII в.в.

І. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754 гг.), бывшій ученикъ и учитель Кіевско́й Академіи.

Предварительныя замѣчанія. Литература предмета. Происхождение святителя Іоасафа Горленко. Предки его Лазарь Горленко, полковникъ Прилуцкій, Димитрій Горленко, наказной атаманъ († 1731 г.). Андрей Горленко, бунчуковый товарищъ, отецъ святителя Іоасафа. Рожденіе святителя Іоасафа Горленко. Обстановка семейной жизни родителей. Домашнее воспитаніе. Поступленіе въ Академію. Кіевская Академія въ XVII—XVIII вв. Состояніе Академіи въ годы обученія въ ней святителя Іоасафа. Мысль о монашествѣ. Препятствія. Постриженіе въ мантию. Принятіе монашества. Годы учительства въ Академіи. Переходъ въ Софійскій монастырь. Отношеніе архиепископа Рафаила Заборовскаго. Литературныя труды. Игуменство въ Лубнахъ. Заботы о монастырѣ. Проловѣдническое служеніе. Возведеніе въ санъ архимандрита. Назначеніе намѣстникомъ Св. Троицкой Сергіевой Лавры. Труды по благоустройству обители. Епископская хиротонія. Бѣлгородская епархія въ XVIII в. Состояніе духовенства и паствы. Архипастырское служеніе святителя Іоасафа Горленко. Ревность о славу Божію. Заботы о святыняхъ и храмахъ. Просвѣтительная дѣятельность. Дерзновеніе и нелицепріятіе въ ученіи и обличеніи. Строгость въ отношеніи къ себѣ и другимъ. Любовь къ народу. Простота въ обращеніи. Заботливость о женщинахъ-матеряхъ. Милосердіе къ вдовамъ и сиротамъ. Благотворительность. Келейныя подвиги. Ежечасная молитва. Терпѣніе въ болѣзняхъ. Предсмертное свиданіе съ родителями и родными. Болѣзнь. Кончина. Погребеніе. Даръ прозорливости при жизни. Чудесная помощь и заступленіе предъ Богомъ по смерти.

Черезъ нѣсколько лѣтъ исполнится 300 лѣтъ существованія Кіевско́й духо́вной Академіи. Трехвѣковая жизнь Академіи ознаменована многими великими заслугами ея предъ православно-христіанскимъ міромъ, русскою церковью, богословскою наукою и русскимъ государствомъ. Прекраснѣйшимъ плодомъ продолжительной жизни Акаде-

мія являются въ особенности ея многочисленные славные ученики. Въ нихъ, въ ихъ жизни и дѣятельности, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отразился духъ Академіи. Полное уясненіе и правильное пониманіе этого духа Академіи, безпристрастная оцѣнка ея заслугъ можетъ быть сдѣлана только на основаніи всесторонняго и тщательнаго изученія жизни и дѣятельности всѣхъ выдающихся ея учениковъ.

Кіевская духовная Академія представляетъ весьма рѣдкое явленіе среди другихъ русскихъ школъ—не только свѣтскихъ, но даже и духовныхъ—въ томъ отношеніи, что она имѣла счастье воспитать святыхъ учениковъ. Три изъ нихъ—святители: Θεодосій Углицкій, Дмитрій Ростовскій и Інокентій Иркутскій—уже прославлены предъ Богомъ и людьми, а многіе другіе, хотя также признаны народною совѣстію, какъ святые, почитаются пока только мѣстно.

То обстоятельство, что среди воспитанниковъ Кіевской Академіи находится столько святыхъ мужей, представляетъ во всякомъ случаѣ замѣчательный фактъ. Этотъ фактъ, какъ бы мы ни понимали его, весьма краснорѣчиво отгнѣяетъ совершенно особенную сторону въ жизни Академіи. Онъ неопровержимо свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о высокомъ внутреннемъ настроеніи Кіевской академической семьи въ старое время, а съ другой стороны, и о томъ, что Кіевская Академія всегда, во все времена своего существованія, правильно и глубоко понимала и усвояла духъ православія.

Безъ сомнѣнія, не случайно отличительную особенность нашей православной церкви сравнительно съ другими христіанскими исповѣданіями составляетъ почитаніе въ ней святыхъ, равно какъ и обиліе святыхъ праведниковъ у нея. Не говоримъ уже о протестантскихъ исповѣданіяхъ, кото-
рыя принципиально не признаютъ почитанія святыхъ, но даже и римско-католическая церковь, допускающая его, не имѣетъ у себя ничего подобнаго тому, что мы видимъ въ нашей православной церкви.

Почитаніе святыхъ имѣетъ для жизни всей Церкви и для каждого отдѣльнаго ея члена чрезвычайно важное значеніе. Этотъ догматъ одухотворяетъ церковную жизнь. Многочисленный сонмъ почитаемыхъ нами святыхъ составляетъ какъ бы духовное небо нашей земной церкви. Какъ видимый нашъ міръ покрывается величественнымъ небеснымъ сводомъ, украшеннымъ многими и разнообразными свѣтилами, такъ и надъ нашею землею церковью возвышается особый міръ святыхъ праведниковъ, служащихъ лучшимъ и высшимъ ея украшеніемъ. Какъ видимое нами небо, представляющее въ звѣздную ночь ни съ чѣмъ несравнимое прекрасное зрѣлище, во всѣ времена одухотворяло, возвышало и вдохновляло лучшихъ изъ людей—художниковъ, поэтовъ и др., начиная съ царственного псалмопѣвца, такъ и наше духовное небо увлекаетъ, трогаетъ и возвышаетъ насъ надъ земными интересами. И какъ свѣтила небесныя являютъ иногда единственнымъ спасительнымъ руководствомъ для заблудившихся путешественниковъ, или для мореплавателей, потерпѣвшихъ крушеніе и сбившихся съ пути въ необозримомъ океанѣ, такъ и наши духовныя звѣзды, т. е. святые угодники являютъ постоянными руководителями нашими на трудномъ жизненномъ пути.

Необходимо отмѣтить еще одно весьма важное значеніе, какое имѣетъ почитаніе святыхъ и постоянное явленіе въ православной Церкви все новыхъ и новыхъ праведниковъ. Оно, безъ сомнѣнія, служитъ яснымъ, неопровержимымъ и для всякаго убѣдительнымъ доказательствомъ истинности, святости и животворности нашей Церкви. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что наша православная Церковь есть святая. Она истинно есть свята сама въ себѣ, а также и потому, что она освящаетъ своихъ членовъ и ведетъ ихъ къ святости. И вотъ въ нашей именно православной церкви, непрерывно и постоянно, во всѣ времена ея существованія вкпючительно до нашихъ дней, являютъ все новые и но-

вые святые. Не ясное ли это доказательство того, что наша Церковь истинно свята, что она живетъ истинно Христовымъ духомъ, что святые являются лучшими и прекраснѣйшими плодами ея святой и освящающей жизни?

Съ той же самой точки зрѣнія мы рассматриваемъ и фактъ присутствія, *при томъ не единичнаго*, праведниковъ среди бывшихъ учениковъ Кіевской Академіи. По нашему мнѣнію, это служитъ показателемъ во 1) того, что Кіевская Академія, въ лицѣ своихъ наставниковъ и учениковъ, правильно поняла духъ и ученіе христіанской Церкви и право осуществила его въ жизни и дѣятельности своихъ лучшихъ питомцевъ, и 2) того, что нашъ народъ вѣрно понялъ и оцѣнилъ столь высокое служеніе нашей Академіи въ лицѣ ея достойныхъ воспитанниковъ, признанныхъ и почитаемыхъ святыми.

Въ виду сказаннаго, историкъ съ тѣмъ бѣльшимъ вниманіемъ долженъ относиться къ воспроизведенію жизни и дѣятельности бывшихъ учениковъ Кіевской Академіи, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ Церковь признала и народная совѣсть наименовала праведниками. Къ числу такихъ именно признанныхъ голосомъ народной совѣсти и мѣстно почитаемыхъ праведниковъ изъ среды бывшихъ учениковъ Кіевской Академіи принадлежить и святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Оболенскій. О немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся и замѣчательныхъ воспитанниковъ и потомъ учителей Кіевской Академіи, и будетъ наша послѣдующая рѣчь.

Личность святителя Іоасафа Горленко хорошо и давно извѣстна въ нашей литературѣ. Первые, самыя точныя свѣдѣнія о своей жизни и дѣятельности сообщилъ самъ святитель Іоасафъ Горленко въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, доведенныхъ имъ почти до того времени, когда онъ сдѣлался епископомъ. Этими автобіографическими записками святителя Іоасафа Горленко воспользовался его

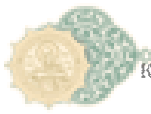
первый жизнеописатель И. И. Квитка. Въ 1791 г. онъ составилъ, по даннымъ автобіографическихъ записокъ и свидѣтельствамъ современниковъ, первое жизнеописаніе святителя Іоасафа Горленко. Это квиткинское „житіе“ легло въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ рукописныхъ и печатныхъ, теперь во множествѣ существующихъ „Описаній жизни“ святителя Іоасафа. Лучшими изъ нихъ должны быть признаны принадлежащія перу гг. Кулжинскаго и Ковалевскаго.

Жизнь и дѣятельность святителя Іоасафа Горленко неоднократно бывала предметомъ также и научнаго изслѣдованія. Преосв. Филаретъ Гумилевскій, авторъ „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи“ (1859 г.), въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія, сообщилъ немало цѣнныхъ и документальныхъ данныхъ преимущественно объ архипастырскомъ служеніи святителя Іоасафа. Такимъ же характеромъ научности и документальности отличаются и труды профессора Харьковскаго университета А. С. Лебедева о святителѣ Іоасафѣ—спеціальный (1900 г.) и содержащійся въ книгѣ его: „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности“ (1902 г.).

Историки Харьковскаго Коллегіума и Киевской Академіи, въ свою очередь, отмѣчаютъ дѣятельность святителя Іоасафа Горленко, стоявшую въ связи съ этими учебными заведеніями. Въ частности, имя святителя Іоасафа Горленко, какъ ученика и учителя Академіи, упоминается и въ недавно изданныхъ „Актахъ и документахъ, относящихся къ исторіи Киевской Академіи“ проф. Н. И. Петрова¹⁾. Генеалогическія свѣдѣнія о родѣ Горленковъ можно читать въ недавно явившемся въ печати изданіи: „Стороженки. Фамиліинный архивъ. Томъ седьмой“ (К. 1908 г.)²⁾.

¹⁾ См. т. I, ч. I (1904 г.) стр. 87. 206; ч. II, стр. 7. 8. 9. 293. 324. 414. 424. Здѣсь на стр. 294 святителю І. Г. ошибочно приписано *два* слова *вм. одного*, сказаннаго имъ 28 нояб. 1742 г.

²⁾ См. стр. 303—327, о святителѣ І. Г. стр. 308.

Но самымъ цѣннымъ пособіемъ, при изученіи обстоятельствъ жизни и дѣятельности святителя Іоасафа Горленко, является новѣйшее изданіе кн. Н. Д. Жевахова. Будучи родственникомъ святителя Іоасафа Горленко (по женской линіи) и принадлежа къ числу искреннихъ и глубокихъ почитателей памяти сего святителя, кн. Жеваховъ, побуждаемый къ тому же опредѣлившимся въ послѣднее время предположеніемъ канонизовать святителя Іоасафа, заданъ благородною цѣлію собрать и напечатать, по возможности, всѣ матеріалы для жизнеописанія святителя. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ объѣхалъ всѣ мѣста служенія церкви и богословской наукѣ святителя Іоасафа Горленко, вездѣ собирая и записывая все то, что можетъ пригодиться будущему составителю біографіи святителя. Результатомъ этихъ розысканій кн. Жевахова явилось капитальное изданіе, вышедшее въ 4 книгахъ, подъ заглавіемъ: *„Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754 г.). Матеріалы для біографіи, собранныя и изданныя княземъ Н. Д. Жеваховымъ“*. Въ первой части сего изданія содержатся матеріалы—свѣдѣнія о предкахъ святителя Іоасафа Горленко, во второй—сочиненія святителя, въ третьей—акты и документы, относящіеся къ дѣятельности святителя (здѣсь же напечатана и рукопись 1791 года, содержащая въ себѣ первоначальное „Житіе преосвященнаго епископа Бѣлгородскаго Іоасафа Горленка“), и въ четвертой—преданія о святителѣ Іоасафѣ. Перечисленные матеріалы изданы вполне научно и въ нѣкоторыхъ, наиболѣе затруднительныхъ для пониманія мѣстахъ, снабжены разяснительными примѣчаніями. Такъ какъ въ „матеріалахъ“ кн. Жевахова собрано почти все болѣе важное изъ архивныхъ и печатныхъ источниковъ для біографіи святителя Іоасафа Горленко, то и мы въ своей послѣдующей рѣчи будемъ основываться преимущественно на этомъ трудѣ, только въ необходимомъ случаяхъ обра-

щаяся къ тѣмъ изслѣдованіямъ, которыхъ не имѣлъ въ виду издатель его.

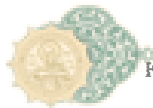
Святитель Іоасафъ Горленко, какъ видимъ, есть историческая личность въ нашей церкви и литературѣ. Дѣятельность всякой исторической личности является обыкновенно воплощеніемъ въ жизни ея индивидуальных свойствъ ея духа и результатомъ условій мѣста и времени ея жизни. Потому и намъ необходимо, прежде всего, познакомиться съ личными качествами святителя Іоасафа, которыя, въ свою очередь, были въ значительной степени наслѣдіемъ его родового происхожденія и воспитанія—домашняго и школьнаго.

Святитель Іоасафъ Горленко происходилъ изъ малороссійскаго семейства, очень рано (въ XVII в.) получившаго права русскаго дворянства¹⁾. Это семейство было однимъ изъ сравнительно древнихъ и славныхъ родовъ нашей Малороссіи. Изъ горленковскаго рода вышло много истинно замѣтательныхъ дѣятелей, украшающихъ своими именами наиболѣе свѣтлыя страницы русской исторіи—гражданской и церковной.

Первымъ историческимъ лицомъ среди дѣятелей этого рода былъ Лазарь Горленко, полковникъ прилуцкій, прадѣдъ святителя Іоасафа²⁾. Время жизни и дѣятельности

¹⁾ Свѣдѣнія о родѣ Горленко можно читать въ „Малороссійскомъ Родословникѣ“, составленномъ В. А. Модзалевскимъ и занимающемъ большую часть вышеупомянутаго VII тома изданія: „Стороженки. Фамильный архивъ“ (стр. 1—519). Первымъ изъ рода Горленко въ письменныхъ памятникахъ встрѣчается имя Яцька Горленко, реестроваго козака прилуцкой сотни (1649 г.). Современникомъ его и, быть можетъ, ближайшимъ родичемъ былъ Лазарь Горленко, имя котораго упоминается подъ 1649 г. (Стороженки т. VII, стр. 303). Впрочемъ, народное преданіе (поэзія) сохранило память и о болѣе раннихъ представителяхъ рода Горленковъ, жившихъ въ XVI в. См. у кн. Жевахова, Матеріалы, ч. 1, стр. 5.

²⁾ О Лазарѣ Горленко существуетъ въ литературѣ очень дѣльная, документально подтвержденная монографія кн. А. В. Ла-

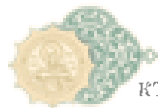
его относится ко второй половинѣ XVII в. Это было самое тяжелое время въ исторіи Малороссіи. Историки послѣдней справедливо назвали это время „руиной“. Малороссія переживала тогда эпоху всеобщаго развала, разоренія. Населеніе ея, лишенное польскимъ правительствомъ всякихъ правъ, угнетенное во всѣхъ отношеніяхъ, измученное постоянными нападеніями внѣшнихъ враговъ, особенно татаръ, думало, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, тяжелую думу. Оно рѣшало тогда вопросъ о томъ, къ какому изъ трехъ сосѣднихъ государствъ (Москва, Польша и Турція) Малороссія должна была примкнуть и съ какимъ изъ нихъ соединить свою несчастную судьбу. Рѣшеніе этого вопроса затруднилось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что съ каждымъ изъ трехъ названныхъ сосѣдей у Малороссіи были свои политическія связи и другія традиціонныя отношенія.

Прадѣдъ святителя Іоасафа, первый изъ исторически извѣстныхъ и славныхъ представителей рода Горленко, принадлежалъ къ числу тѣхъ именно малороссовъ XVII в., которые сразу же, когда дѣло дошло до того, что нужно было сказать рѣшительное слово, стали на сторону единоплеменной и единовѣрной Россіи (Москвы). Лазарь Горленко, по видимому, былъ убѣжденнымъ и сознательнымъ сторонникомъ тѣснѣйшаго политическаго соединенія съ Москвою. Поэтому, онъ въ числѣ первыхъ малороссіянъ, вмѣстѣ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ, присягнувъ въ 1654 году на вѣрность русскому православному царю Алексѣю Михайловичу. Въ качествѣ сторонника московскаго прообладанія въ Малороссіи, Лазарь Горленко, прошедшій всѣ ступени козацкой военной іерархіи, сдѣлался ок. 1658 г. прилуцкимъ полковникомъ. Занимая нѣсколько разъ, съ небольшими перерывами, этотъ высокій въ старой Малороссіи военно-административный постъ, онъ остался

бужи. Она перепечатана кн. Н. Д. Жеваховымъ въ 1-й части его „Матеріаловъ“ (стр. 3—80).

вѣрнѣ своей первоначальной присягѣ православному русскому царю до конца своихъ дней, несмотря на сильпѣйшія иной разъ искушенія. Правда, было время, когда, подѣ влияніемъ тяжкихъ ударовъ судьбы, обрушившихся на родную страну, когда и сама Москва, покровительница Малороссіи, рѣзко мѣняла свои отношенія къ Польшѣ, въ душу прилуцкаго полковника закралось было тяжелое сомнѣніе и онъ начинать колебаться въ своихъ политическихъ симпатіяхъ. Но это колебаніе было случайное и непродолжительное. Лазарь Горленко скоро овладѣлъ собою и затѣмъ уже до конца своей жизни остался вѣрнымъ своей ясной и опредѣленной политической программѣ. Благополучно переживъ страшную кровавую „Черную Радѣ“ (1663 г.), Лазарь Горленко сразу выдвинулся въ ряды самыхъ передовыхъ дѣятелей Малороссіи. Какъ мужественный и неустрашимый воинъ, онъ, во главѣ прилуцкаго и другихъ полковъ, защищалъ въ это время свою родину отъ поляковъ, „не щадя головы своей и не сдаваясь ни на какія непріятельскія прелести и подсылки“. Какъ умный и дальновидный политикъ, онъ съумѣлъ за это время выполнить нѣсколько трудныхъ дипломатическихъ порученій своего гетмана. Какъ человѣкъ съ желѣзною и несокрушимою волею, онъ успѣлъ теперь соединить около себя преданныхъ и вѣрныхъ друзей, всецѣло подчинивъ ихъ своимъ планамъ. Лазарь Горленко былъ вмѣстѣ съ тѣмъ искренно религіознымъ человѣкомъ. Онъ любилъ свою вѣру, хранилъ уставы церковные, въ мирное время усердно посѣщалъ храмъ. Съ особенною любовью онъ относился къ Густынской монашеской обители, которая находилась вблизи родоваго имѣнія Горленка, а также и къ Ладинскому Покровскому монастырю. Здѣсь часто, въ дни рѣдкаго для его родины мира, Лазарь Горленко вмѣстѣ съ домочадцами своими искать душевнаго успокоенія и нравственнаго утѣшенія. Наконецъ, какъ человѣкъ съ высокоразвитымъ чувствомъ чести и долга, Ла-

зарь Горленко не зналъ и не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ своею совѣстію. Онъ и закончилъ свою жизнь, какъ истинный и честный гражданинъ.

Кончина его была страшная, лютая. Она, видимо, осталась въ памяти потомства его и произвела сильнѣйшее, потрясающее впечатлѣніе на членовъ его семьи. Это было лѣтомъ 1687 г. Малороссійскія войска вмѣстѣ съ московскою арміею совершали тогда извѣстный крымскій походъ противъ Турціи. Козаки вынуждены были идти въ Крымъ, какъ союзники Польши, причинившей столько бѣдствій ихъ родинѣ. Предпріятіе это, созрѣвшее въ головѣ польскаго короля Яна Собѣскаго и закрѣпленное договоромъ Москвы съ Польшею 1686 года, не пользовалось сочувствіемъ въ козацкихъ войскахъ. Лазарь Горленко участвовалъ въ этомъ несчастномъ походѣ. Во главѣ прилуцкаго и другихъ нѣсколькихъ полковъ онъ былъ выдѣленъ изъ состава главной арміи и посланъ для защиты Кодацкаго укрѣпленія отъ татаръ. Въ напрасномъ ожиданіи татаръ, которые нашли себѣ другой путь для вторженія въ Малороссію, козаки Лазаря Горленко должны были очень долго стоять у Кодака. Продолжительное военное бездѣйствіе, общее недовольство непопулярнымъ походомъ, печальныя вѣсти о разореніи татарами родной страны,—все это постепенно подготовляло взрывъ негодованія среди козаковъ. Извѣстіе о происшедшемъ въ главной арміи переворотѣ, погубившемъ гетмана Самойловича, покровителя Горленка, и доставившемъ гетманскую булаву Мазепѣ, было тою каплею, которая переполнила чашу недовольства козацкаго. Козаки, стоявшіе у Кодака, возмутились и бросились на своихъ начальниковъ. Первою жертвою ихъ озлобленія сдѣлался престарѣлый прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко. Озвѣрѣвшіе козаки сначала изрубили своего полковника, а потомъ израненнаго и обезображеннаго бросили въ раскаленную печь и сожгли его... 2 августа 1687 г. прахъ его былъ погребенъ между Кодакомъ и Самарою на

р. Сурѣ, „гдѣ и могилу значную высыпано надъ нимъ“. Только уже въ 1697 г. сынъ его Димитрій перенесъ прахъ несчастнаго отца въ родовую усыпальницу въ Густынской обители.

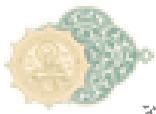
Таковъ былъ прадедъ святителя Іосафа. Память о немъ была жива въ потомствѣ. Судьба его, особенно обстоятельства страшной кончины, повидимому, отразились на душевномъ настроеніи дѣда и особенно отца святителя Іосафа.

Лазарь Горленко отъ двухъ своихъ женъ имѣлъ нѣсколько сыновей. Изъ всѣхъ сыновей его историческую извѣстность приобрѣлъ младшій—Димитрій¹⁾. Многими качествами своего характера Димитрій Лазаревичъ напоминалъ отца, но въ нѣкоторыхъ чертахъ онъ рѣзко отличался отъ него. Онъ былъ такой же беззаветно преданный своей родинѣ сынъ, какъ и Лазарь Горленко. Только у него незамѣтно уже того дипломатическаго таланта, какимъ безпорно отличался его отецъ. Димитрій Горленко былъ неустрашимо мужественный сынъ, онъ зналъ только военную службу и весь горѣлъ козацкою отвагою.

Замѣчательно, что историческая судьба очень рано свела Димитрія Горленко съ извѣстнымъ малороссійскимъ гетманомъ И. С. Мазепою. Послѣдній получилъ гетманскую булаву при заревѣ страшной козацкой катастрофы. Повидимому, въ душѣ своей Мазепа считалъ себя невиннымъ въ лютой смерти Лазаря Горленка. Потому своими особенными симпатіями къ его сыну онъ хотѣлъ какъ бы загладить свою вину предъ семьею Горленковъ. Мазепа рано предоставилъ Димитрію Горленко полковничій титулъ. Впрочемъ, Димитрій Горленко скоро успѣлъ вполне оправдать оказанное къ нему довѣріе. Онъ съ большою честію и славою участвовалъ въ азовскомъ походѣ, равно какъ и въ

---

¹⁾ Подробную монографію о Димитріи Горленко см. въ „Матеріалахъ“ кн. Жевахова (ч. 1, стр. 81—120), составленную этимъ послѣднимъ.

другихъ военныхъ предпріятіяхъ того времени. Все это еще болѣе сблизило Мазепу и Димитрія Горленко. Вѣроятно, именно поэтому, Димитрій Горленко не считъ возможнымъ для себя оставить гетмана Мазепу, своего покровителя и военного товарища, когда этотъ послѣдній измѣнилъ Россіи, перешелъ на сторону шведскаго короля Карла XII и затѣмъ послѣ полтавскаго разгрома шведовъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ.

Димитрій Горленко унаслѣдовалъ отъ своего отца неподкупную честность. Вотъ почему онъ не рѣшался оставить престарѣлаго гетмана и во время скитаній его, послѣ бѣгства изъ Россіи, не смотря на предложенія его друзей и на согласіе русскаго правительства дать ему амнистію. Только исполнивъ свой долгъ предъ гетманомъ до конца, Димитрій Горленко согласился вернуться на родину, хорошо, впрочемъ, зная, что его ожидали здѣсь лишенія, вслѣдствіе конфискаціи имѣнія, бѣдность, преслѣдованіе враговъ и затѣмъ продолжительная ссылка. Ему была возвращена свобода только въ 1730 г. А въ слѣдующемъ году, 10 августа, онъ и скончался, посреди нужды, огорченій и разныхъ непріятностей.

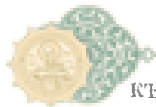
Трагическій конецъ дѣда и бѣдственная судьба отца не могли, разумѣется, остаться безъ вліянія на жизнь и душевное настроеніе всей семьи Димитрія Горленко. У этого послѣдняго было два сына и три дочери. Одинъ изъ его сыновей рано принялъ монашество и былъ инокомъ Кіево-Печерской Лавры. Пахомій Горленко отличался особенно строгою подвижническою жизнію среди лаврскихъ иноковъ начала ХУІІІ в. Впослѣдствіи мы увидимъ, что онъ имѣлъ большое значеніе въ жизни своего племянника, свитителя Іоасафа. Одна изъ дочерей Димитрія Горленко также рано постриглась въ монашество съ именемъ Анастасіи и жила въ Ладинскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Другой сынъ Димитрія Горленка—Андрей остался въ міру. Онъ въ молодости вынужденъ былъ раздѣлять съ отцомъ его бѣдственную судьбу. Женатый на дочери Даниила Апостола, сдѣлавшагося впоследствии малороссійскимъ гетманомъ, онъ, уступая убѣжденіямъ своего тестя, скоро возвратился на родину, получилъ амнистію и вмѣстѣ съ тѣмъ большую часть отцовскаго имѣнія. Семейныя несчастія замѣтно отразились и на Андрѣй Горленко, на его характеръ и міровоззрѣніи. Съ этой стороны онъ во многомъ не походилъ на своихъ дѣда и отца. Его, видимо, совѣтъ не привлекала военная служба. Наоборотъ, онъ любилъ тихія семейныя радости. Онъ былъ любящимъ мужемъ и отцемъ. Какъ онъ, такъ и жена его отличались искреннею набожностію. Въ ихъ семейной жизни весьма замѣтно отражались любовь къ церкви, уваженіе къ духовенству и монашеству, поддерживалось строгое соблюденіе церковныхъ уставовъ. Любимыми и дорогими гостями въ этой доброй семьѣ были иноки и инокини.

Прискорбныя событія въ семьѣ дѣда и отца, невольное участіе въ превратной судьбѣ своего родителя, личные непріятности и огорченія, причинявшіяся недоброжелателями семьи Горленковъ—все это развило въ Андрѣй Дмитріевичѣ постоянное грустное настроеніе, любовь къ молчанію и тихому уединенію. Судя по тѣмъ отрывочнымъ свѣденіямъ, какія дошли до насъ, въ душевномъ настроеніи его преобладала мистическая струя¹⁾. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ въ своемъ родовомъ имѣніи построилъ среди лѣса маленькую часовню, въ которую часто уединялся, и тамъ подолгу въ полномъ одиночествѣ проводилъ время, предавался молитвѣ.

---

¹⁾ См. собственноручныя записки свитателя Іоасафа у кн. Жевахова ч. II стр. 170.

Андрей Дмитріевичъ Горленко и былъ отцемъ святи-теля Іоасафа. Послѣдній родился въ г. Прилукахъ 8 сентября 1705 г. ¹⁾. Совпаденіе дня рожденія его съ праздникомъ Рождества пресв. Богородицы почиталось знаменательнымъ въ его родной семьѣ. Отецъ и мать поручили своего старшаго сына, названнаго при крещеніи Іоакимомъ, особенному покровительству Небесной Заступницы рода христіанскаго.

Изъ предыдущей нашей рѣчи можно видѣть, что дѣтскіе годы Іоакима (впослѣдствіи Іоасафа) Горленко совпали съ весьма бурнымъ временемъ для Малороссіи, захватившимъ въ свой водоворотъ и всю семью Горленко. Іоакимъ Горленко былъ 3-хлѣтнимъ малюткой, когда отецъ его долженъ былъ раздѣлять злосчастную судьбу своего отца и бѣжать за Мазепою. Намъ совершенно неизвѣстно, гдѣ въ это время была жена Андрея Дмитріевича съ своимъ первенцемъ. Можно, впрочемъ, думать, что она не послѣдовала за своимъ мужемъ и оставалась у своего отца, будущаго гетмана. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ 1709 г. у нея родился другой сынъ—Андрей ²⁾.

Скоро Андрей Дмитріевичъ возвратился на родину. Тогда началась тихая спокойная жизнь, исполненная подвиговъ религіозности, набожности, чередовавшихся съ заботами о приведеніи въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ, прерывавшихся только частыми посѣщеніями окрестныхъ монастырей. Вся эта обстановка семейной жизни, въ связи съ общими событіями времени, должна была производить свое дѣйствіе на впечатлительную душу ребенка—Іоакима.

Когда Іоакиму Горленко исполнилось 8 лѣтъ, онъ былъ опредѣленъ въ Кіевскую Академію для полученія образованія. Помимо того соображенія, что Кіевская Акаде-

¹⁾ См. тамъ же стр. 171.

²⁾ См. Стороженки. Фам. арх. т. VII стр. 398.

ми была тогда единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ дѣти духовенства и дворянства могли получать образованіе, Андрей Дмитріевичъ имѣлъ тѣмъ болѣе основаній избрать эту школу для своего первенца, что онъ и самъ получилъ въ свое время, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Пахоміемъ, образованіе въ ней ¹⁾.

Школа, въ которой Іоакимъ (впослѣдствіи Іоасафъ) получилъ свое образованіе, гдѣ онъ провелъ почти $\frac{1}{3}$ всей своей жизни, должна была, безъ сомнѣнія, оказать на него свое извѣстное вліяніе. Поэтому, мы и скажемъ о ней нѣсколько словъ, выразивъ при этомъ искреннее свое сожалѣніе по поводу того, что располагаемъ сейчасъ крайне скудными свѣдѣніями о годахъ пребыванія Святителя Іоасафа въ нашей Академіи.

Кіевская Академія, въ которую поступилъ Іоакимъ Горленко ок. 1713 г., доживала въ то время первое столѣтіе своего существованія. Она была тогда, по справедливости, самымъ лучшимъ во всемъ нашемъ государствѣ учебнымъ заведеніемъ. Въ ней получали образованіе не только дѣти духовенства, но и сыновья всѣхъ вообще представителей южно-русскаго общества, не исключая и дворянства. Черезъ своихъ учениковъ, она оказывала могучее вліяніе и на всю вообще Россію, даже на весь православный христіанскій міръ. Какимъ же образомъ она достигла такого положенія и значенія?

Кіевская Академія была основана въ 1615 году, какъ братская церковная школа. Особенное Божіе благословеніе, почившее на ней, съ самыхъ первыхъ дней ея существованія, счастливое стеченіе разныхъ обстоятельствъ въ видѣ цѣлаго ряда умѣлыхъ руководителей, способныхъ учителей, щедрыхъ благотворителей и сильныхъ покровителей, сдѣ-

¹⁾ См. тамъ же стр. 306.

ляли то, что Кіевская братская школа скоро замѣтно выдѣлялась изъ ряда многихъ ординарныхъ братскихъ школъ, оказалась первою, образцовою школою во всей З. Руси. Въ теченіи первыхъ 16 лѣтъ своего существованія она заявила себя весьма успѣшною и благотворною дѣятельностію по защитѣ и укрѣпленію православія и русской народности. Особенно симпатичную сторону въ ея жизни и дѣятельности за это время составляло именно то, что она была школою истинно церковною, строго православною и національною.

Въ 1632 году Кіевская братская школа была преобразована м. Петромъ Могилою по типу заграничныхъ школъ. Она сдѣлалась теперь среднею образовательною школою. Преобразование ея въ 1632 году, безъ сомнѣнія, не во всемъ было хорошо и полезно, съ точки зрѣнія основныхъ началъ существованія школы. Оно внесло въ жизнь нашей школы кое-что чуждое первоначальному православно-національному характеру ея, хотя это чуждое касалось преимущественно внѣшнихъ порядковъ образования и воспитанія. Но и внѣшнее, по тѣсной связи его съ внутреннимъ, часто имѣетъ важное значеніе, особенно въ отдѣльныхъ, единичныхъ случаяхъ. Къ счастью, съ теченіемъ времени все это чуждое, лишнее или само отпало отъ Кіевской Академіи, или же было отброшено. Кіевская братская коллегія попрежнему оставалась строго церковною, православною и національною школою. Она служила въ теченіе всего ХVІІ в. единственнымъ и весьма важнымъ очагомъ для распространенія православной научно-богословской образованности во всей З. Руси, волею Божіею оказавшейся въ предѣлахъ іезуитско-католической Польши. Какъ школа, имѣвшая настоящее учено-учебное устройство, Кіевская коллегія возвышалась надъ современными ей школами московскими. Какъ таковая, Кіево братская коллегія составляла бесспорно лучшее украшеніе Малороссіи и нашего Кіева. Она была

Труды Кіевск. Дух. Акад. Т. III. 1909 г.

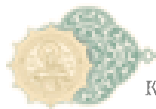
крупнѣйшею жемчужиною въ вѣнкѣ славы матери городовъ русскихъ. На конецъ ХУП в. и начало ХУІІІ в. падаетъ, можно сказать, время высшаго расцвѣта нашей школы въ научно-образовательномъ отношеніи. 26 сентября 1701 г. она получила право и названіе Академіи, сдѣлавшись теперь официально вышею школою въ Россіи.

Въ то время, когда въ Кіевскую Академію поступилъ Іоакимъ Горленко, во главѣ ея стоялъ ректоръ Теофанъ Прокоповичъ, а высшимъ покровителемъ ея былъ тогда образованнѣйшій архипастырь Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ Кіевскій, также бывшій въ свое время ректоромъ Академіи. Въ первые годы обученія въ Академіи святителя Іоасафа здѣсь, безъ сомнѣнія, доминировало вліяніе Теофана Прокоповича ¹⁾. Личность его настолько извѣстна, что мы не находимъ возможнымъ и необходимымъ подробно останавливаться на ней здѣсь. Отметимъ только тѣ черты въ жизнедѣятельности и характерѣ Теофана Прокоповича, которыя, по нашему мнѣнію, могли имѣть значеніе въ образованіи душевнаго настроенія и опредѣленіи нравственной личности его учениковъ.

Съ острымъ умомъ, широкимъ образованіемъ и блестящимъ ораторскимъ талантомъ онъ счастливо соединялъ въ себѣ выдающіяся способности практическаго дѣятеля. Теофанъ Прокоповичъ впоследствии былъ однимъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ императора Петра I въ его церковныхъ преобразованіяхъ. Но и во время своего служенія въ Кіевской Академіи онъ, видимо, всемъ сердцемъ своимъ сочувствовалъ дѣлу Петра I ²⁾. Особенно симпатична ему

¹⁾ См. у Д. Вишневскаго. Кіевская Академія въ первой половинѣ ХУІІІ стол. К. 1903 г. стр. 22 и слѣд.

²⁾ Объ этомъ можно судить, напр., по его рѣчамъ императору Петру I, сказаннымъ въ Кіевѣ до и послѣ Полтавской побѣды его надъ шведами.

была любовь Петра I къ просвѣщенію, его кишучая, неутомимая дѣятельность. Теофанъ Прокоповичъ, а равно и его преемники по ректорству (Іосифъ Волчанскій, Илларионъ Левицкій и др.), старались и умѣли прививать своимъ питомцамъ мысль о необходимости усиленныхъ заботъ касательно просвѣщенія духовенства и всего русскаго народа. Теофанъ Прокоповичъ, очевидно, желалъ, чтобы его ученики по Кіевской Академіи, особенно тѣ изъ нихъ, которые, подобно ему, избирали монашеское званіе, дѣлались просвѣтителями народа. И онъ, дѣйствительно, создалъ цѣлую школу ученыхъ Кіевскихъ академическихъ монаховъ, которые потомъ въ теченіе всей первой половины ХVІІІ в. занимали архіерейскія кафедръ и архимандричьи мѣста въ разныхъ городахъ Россіи, заводили тамъ школы и всѣми способами содѣйствовали распространенію въ народѣ просвѣщенія ¹⁾. Благодаря такой дѣятельности учениковъ Теофановской школы, Кіевская Академія тогда сдѣлалась истинною ученою митрополиею, имѣвшею во всѣхъ концахъ Россіи много образовательныхъ учебныхъ колоній—духовныхъ семинарій.

---

¹⁾ Такое научно-просвѣтительное значеніе Кіевской Академіи признавалось за нею еще и въ ХVІІІ в. Въ одномъ документѣ 1768 года читаемъ по этому предмету слѣдующее: „Колыкая польза отъ ученія, въ Академіи Кіевской производимаго, происходитъ, ясно доказываютъ какъ церковныя, такъ и гражданственныя дѣла. Въ разные прошедшія и нынѣшныя времена многіе изъ обучившихся въ Академіи Кіевской по указамъ взяты и къ разнымъ должностямъ дѣйствительно опредѣлены, а именно: отъ самаго перваго учрежденія Московской славяно-греко-латинской Академіи и по силѣ того къ преподаванію въ оной Академіи разныхъ школьныхъ наукъ и къ проповѣданію Слова Божія; къ заведенію во всѣхъ русскіихъ епархіяхъ семинарій и въ оныхъ по заведеніи къ дальнѣйшему распространенію ученія въ званіе учительское“... См. Акты и докум., относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Проф. Н. И. Петрова т. 1 ч. 2 стр. 310.

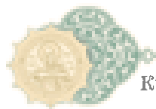

Къ числу такихъ именно питомцевъ Кіевской Академіи, исполненныхъ ревностнаго желанія и стремленія къ распространенію духовнаго свѣта и образованія въ средѣ русскаго духовенства и всего народа, принадлежалъ и Іоакимъ (вп. Іоасафъ) Горленко. Къ сожалѣнію, акты академической жизни того времени, сохранившіеся до насъ, сообщаютъ слишкомъ скудныя свѣденія о времени его пребыванія въ Академіи. Въ актахъ академическихъ мы встрѣчаемъ только одно имя Іоасафа Горленко, какъ студента философіи и богословія ¹⁾. Самъ святитель Іоасафъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ проходитъ почти совершеннымъ молчаніемъ это время своей жизни, отмѣчая только главнѣйшее событіе ея—принятіе монашества. Іоакимъ Горленко очень рано почувствовалъ желаніе быть монахомъ и въ этомъ званіи служить Богу, церкви и людямъ. Въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, подъ 1716 г., слѣдовательно, когда ему было 11 лѣтъ, онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „возлюбилъ монашество“ ²⁾. Можно думать, что, кромѣ всей обстановки академической жизни, причѣмъ тогда всѣ учителя Академіи были монахи, любовь къ монашеству въ одиннадцатилѣтнемъ мальчикѣ—ученикѣ Академіи могъ возбудить и дядя его Пахомій, который тогда жилъ въ Лаврѣ ³⁾ и у котораго Іоакимъ Горленко, безъ сомнѣнія, бывалъ. Онъ же, т. е. Пахомій, вѣроятно, слѣдилъ внимательно за нравственнымъ развитіемъ мальчика, его племянника, и заботливо охранялъ въ немъ разъ пробудившееся желаніе посвятить себя монашеству. Склонность къ монашеству у Іоакима Горленко съ годами крѣпла все болѣе и болѣе. Въ тѣхъ же запискахъ святителя Іоасафа читаемъ

¹⁾ См. тамъ же т. 1 ч. 2 стр. 7. 8—9.

²⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. II стр. 171.

³⁾ См. Стороженки. Фамиліный архивъ т. 7 стр. 306.

слѣдующія слова: „намѣреніе быть монахомъ возимѣлъ 1721 года и то въ себѣ хранилъ даже до года 1723“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, юноша, быть можетъ, подъ руководствомъ опытнаго и любящаго старца—дяди, испытывалъ себя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Только путемъ такого испытанія разъ возникшая въ душѣ любовь къ монашеству переходитъ въ намѣреніе. Но и созрѣвшее намѣреніе юноша не сразу приводитъ въ исполненіе, а „хранитъ“ его въ своей душѣ цѣлыхъ два года, тщательно оберегая его отъ всякаго неосторожнаго посторонняго прикосновенія и провѣряя самаго себя, свои силы. Только послѣ такихъ приговоровъ, онъ начинаетъ постепенно осуществлять свое давнее желаніе, причемъ ему пришлось преодолѣть большія и серьезныя препятствія. Побѣда надъ этими послѣдними только еще болѣе укрѣпила молодого монаха въ разъ принятѣмъ имъ на себя рѣшеніи понести высокій подвигъ.

Въ запискахъ святителя Іоасафа читается, между прочимъ, такое замѣчаніе: „и въ томъ же годѣ“, т. е. 1723 г., до котораго онъ „хранилъ“ въ себѣ намѣреніе сдѣлаться монахомъ, „объявился родителямъ своимъ, съ тѣмъ просл. благословенія къ исполненію намѣреваемого“ ²⁾. Святитель Іоасафъ совсѣмъ умалчиваетъ о томъ, какъ отнеслись родители его къ „объявленію“ своего сына, и прямо переходитъ къ рѣчи о посвященіи своемъ въ рясофоръ, имѣвшемъ мѣсто уже въ 1725 году, т. е. черезъ два года послѣ „объявленія“.

Между тѣмъ семейная традиція сохранила свѣденія, дающія намъ возможность восполнить указанный пробѣлъ въ жизнеописаніи святителя.

Повидимому, дѣло происходило такъ. Въ бытность свою на лѣтнихъ каникулахъ 1723 г. въ Прилукахъ, Іоакимъ

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 171.

²⁾ См. тамъ же.

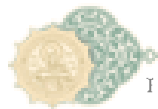

Горленко открылъ родителямъ свое намѣреніе принять монашество. Послѣдніе, быть можетъ, имѣя въ виду молодость своего перленца и др. соображенія, рѣшительно отклонили его просьбу и не дали ему своего благословенія на перемѣну образа жизни ¹⁾. Но Іоакимъ Горленко уже въ это время, видимо, обладалъ такимъ характеромъ, который неспособенъ былъ легко отказываться отъ разъ принятаго намѣренія. По возвращеніи изъ родительскаго дома въ Кіевъ, онъ, повидимому, немедленно удалился въ Кіево-Межигорскій монастырь и просилъ принять его тамъ на испытаніе въ надеждѣ монашества ²⁾. Молодой академикъ велъ тамъ

---

¹⁾ Ср. житіе святителя Іоасафа по рукописи 1791 г. въ „Матеріалахъ“ кн. Жевахова (ч. III, стр. 251—278). Впрочемъ, необходимо отмѣтить, что въ житіи, тамъ, гдѣ говорится о мотивахъ отказа родителей святителя Іоасафа дать ему свое благословеніе на принятіе монашества, допущена одна невѣрность. Тамъ сказано, что родители Іоакима Горленко много убѣждали его отстать отъ своего намѣренія и не желали дать ему своего благословенія потому, что, будто бы, *„никто еще изъ ихъ фамилии не опредѣлялъ себя въ монашество“*. Это фактически невѣрно, такъ какъ прежде святителя Іоасафа изъ рода Горленковъ приняли монашество: 1) его тетка, дочь Петра Лазаревича Горленко, и 2) Пахомій, родной дядя его (см. у В. А. Модзалевскаго. Стороженки. Семейный архивъ т. 7 стр. 305. 306).

²⁾ Выборъ Кіево-Межигорскаго монастыря вмѣсто Лавры, гдѣ былъ дядя святителя Іоасафа, обусловливался, очевидно, обстоятельствами поступленія его въ монашество, главнымъ образомъ, необходимостью скрываться въ этомъ отъ своихъ родителей. Въ рукописномъ житіи 1791 г. сообщается даже такая подробность, будто Іоакимъ Горленко, „опасаясь, дабы родители его не узнали о семъ, и не взяли его изъ монастыря, оставилъ бывшаго при немъ слугу въ Кіевѣ, который, получая письма отъ родителей его, отвозилъ оныя къ нему въ монастырь, и отвѣты его, писанные будто изъ Кіева, пересылалъ въ домъ его родителей“. См. у кн. Жевахова. Матеріалы..... ч. 3-я стр. 256.

столь строгую подвижническую жизнь, что она удивляла даже монастырскихъ старцевъ. Послѣ 2-хъ лѣтняго искуса онъ принялъ здѣсь 27 октября 1725 г. рясофоръ, съ именемъ Иллариона. Въ автобіографическихъ запискахъ святителя Іоасафа читаемъ объ этомъ слѣдующее: „въ годѣ 1725, а отъ рожденія моего 20-мъ, мѣсяца октомврія дня 27, принялъ рясофоръ отъ всечестнаго отца іеромонаха Теодора въ Кіево—Межигорскомъ монастырѣ, въ пещерѣ, въ храмѣ святыхъ богоносныхъ отецъ Онуфрія и Петра Леонскаго, и нареченъ въ иночествѣ Илларионъ“¹⁾.

Теперь только онъ открылся своимъ родителямъ, которые, конечно, должны были примириться съ твердымъ намѣреніемъ сына и совершившимся фактомъ. Послѣдній между тѣмъ продолжалъ академическое ученіе. Вѣроятно, послѣ поступленія его въ богословскій классъ, онъ былъ постриженъ въ монашество. „Въ годѣ 1727 мантию принялъ“, записалъ онъ объ этомъ въ своей автобіографіи, „отъ преподобнѣйшаго отца Иллариона Левицкаго, ректора и игумена Кіево-Братскаго, въ томъ монастырѣ братскомъ, ноемвриа дня 21, и преименованъ нареченъ Іоасафъ“²⁾.

Еще во время прохожденія богословскаго курса, Іоасафъ Горленко, рукоположенный 6 января 1728 г. архіепископомъ Варлаамомъ Ванатовичемъ въ санъ іеродіакона, по принятому тогда обычаю, былъ опредѣленъ учителемъ низшаго класса академіи. Къ глубокому сожалѣнію, и объ учительской дѣятельности святителя Іоасафа Горленко въ Кіевской Академіи мы не имѣемъ никакихъ слѣденій, кромѣ краткаго замѣчанія въ его автобіографическихъ запискахъ. „Въ годѣ 1729“, читаемъ здѣсь, „мѣсяцъ августъ послѣднихъ чиселъ, опредѣленъ въ училища Кіевскія въ учи-

1) См. тамъ же ч. 2 стр. 171—172.

2) См. тамъ же ч. 2 стр. 172.

тели и въ томъ потрудился послушаніи, пробывъ черезъ три года“ ¹⁾).

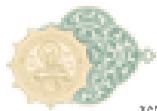
Кромѣ учительства, Іоасафъ Горленко „потрудился“ и для внѣшняго благоустройства родной Академіи. По порученію Кіевскаго архипастыря, онъ принималъ участіе въ сборѣ средствъ на обновленіе академическихъ зданій, которыя тогда нуждались въ томъ, такъ какъ были весьма ветхи. Кіевскій архіепископъ (впоследствии митрополитъ) Рафаилъ Заборовскій, задумавъ „порядочно репаровать и утвердить Кіево-могилянскіе школы застарѣліе и всякими потребамъ надлежаще удовлетворить“, отправилъ перод. Іоасафа Горленко въ августѣ 1732 г. съ книгою для сбора пожертвованій по Малороссіи ²⁾. Можно думать, что участіе въ собираніи средствъ на обновленіе и лучшее устройство Академіи, которое надолго отвлекло Іоасафа Горленко отъ Академіи, и было причиною прекращенія его преподавательской дѣятельности въ ней. Изъ всей трехлѣтней своей учительской дѣятельности въ Академіи святитель Іоасафъ отмѣчаетъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ только одинъ фактъ участія своего, въ качествѣ учителя синтаксиса, въ привѣтствіи новаго Кіевскаго архипастыря Рафаила Заборовскаго. „Въ годѣ 1732“, пишетъ онъ, „въ неделю седьмую по Пасхѣ святыхъ отецъ, въ той часъ случившуюся маія 20 дня, въ преподаваніи школы синтаксиса, дедиковалъ діалогъ привѣтствователный вшествіемъ на престолъ Кіевской епархіи преосвященному Рафаилу Заборовскому, архіепископу Кіевскому“ ³⁾.

Повидимому, архіепископъ Рафаилъ Заборовскій сразу замѣтилъ Іоасафа Горленко и сдѣлался особеннымъ покрови-

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ См. открытый листь архіеп. Рафаила о томъ отъ 12 авг. 1732 г. у кн. Жевахова. Матеріалы ч. 2 Прилож. стр. 3—7.

³⁾ См. тамъ же ч. 2 стр. 172.

къ исторіи кievской дух. академіи въ хvп---хvш вв. 89

вителемъ его. Архіепископъ (впослѣдствіи митрополитъ) Рафаилъ Заборовскій занимаетъ особенное, исключительное мѣсто въ ряду кievскихъ Архипастырей хvш в. Это былъ подвижникъ—аскетъ на митрополичьей кievской кафедрѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любилъ и богословскую науку, школы. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за жизнію кievской Академіи. Въ своихъ отношеніяхъ къ послѣдней онъ руководился не только требованіями господствовавшаго тогда централизованнаго режима ¹⁾, но и личными гуманными воззрѣніями глубоко благочестиваго и просвѣщеннаго архипастыря. Онъ, между прочимъ, внимательно присматривался къ учителямъ Академіи и лучшихъ изъ нѣхъ отличалъ и приближалъ къ себѣ. Изъ ихъ среды онъ потомъ избиралъ кандидатовъ на разные отвѣтственные мѣста въ своей обширнѣйшей епархіи.

Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и молодой іерод. Іоасафъ Горленко. 13 сентября 1734 года, быть можетъ, по возвращеніи іерод. Іоасафа изъ поѣздки по сбору пожертвованій на возобновленіе кievской Академіи, архіепископъ Рафаилъ Заборовскій назначилъ его экзаменаторомъ при кievской кафедрѣ, 8 ноября рукоположилъ во іеромонахи и 23 ноября того же года перевелъ его изъ Братскаго монастыря въ Софійскій кафедральный, а въ началѣ слѣдующаго года (10 января) опредѣлилъ его, сверхъ того, членомъ кievской консисторіи ²⁾.

Ко времени служенія Іоасафа Горленко въ кievской Академіи относится начало его литературной дѣятельности. Мы уже знаемъ, что онъ привѣтствовалъ, въ числѣ другихъ,

¹⁾ См. Акты и документы, относящіеся къ исторіи кievской Академіи... Н. И. Петрова К. 1904 г. т. 1 ч. 1 стр. XIV—XV,

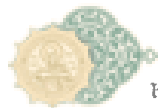
²⁾ См. автобіографическія замѣтки у кн. Жевахова, Матеріалы... ч. 2-я стр. 172.

архієпископа Рафаила Заборовскаго, при вступленіи его на кіевскую кафедру, „діалогомъ“ собственнаго сочиненія. Этотъ діалогъ не сохранился, или остается намъ неизвѣстнымъ. Зато до насъ дошло другое сочиненіе Іоасафа Горленко, которое было задумано и даже составлено имъ, быть можетъ, еще въ бытность его учителемъ Академіи, хотя окончательно обработано и читано было позже. Разумѣемъ его драму-аллегорію подъ заглавіемъ: „Брань честныхъ семи добродѣтелей, з семи грѣхами смертными, въ чловѣкѣ, пугнику такъ всегда, яко наипаче въ дни святыхъ великіхъ четиридесятницы, резидуючая, по чину седмиць ея імагинацѣю пвѣтической и риомами списанная 1737 года априли 9 дня“ ¹⁾.

Духовная драма Іоасафа Горленко написана по древнему мотиву, пользовавшемуся большою симпатією у нашихъ южно-русскихъ писателей. Въ ней изображается борьба чловѣка, странствующаго по землѣ и стремящагося къ безсмертной жизни, съ главнѣйшими грѣхами, при помощи добродѣтелей и святыхъ, и спасаемаго Сыномъ Божіимъ. Общее содержаніе ея таково. Чловѣкъ—путникъ, пораженный грѣховными стрѣлами, призываетъ на помощь себѣ семь добродѣтелей: смиренію (царицу), благоутробіе, цѣломудріе, любовь, постъ, кротость и набожность. Добродѣтели вступаютъ въ борьбу съ противоположными имъ грѣхами: гордостью (царицею), лакомствомъ, блудомъ, завистью, обжорствомъ, гнѣвомъ и лѣнностью. Ходъ борьбы между добродѣтелями и грѣхами описывается примѣнительно къ раз-

---

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 181—212. Тамъ же указаны и др. изданія драмы. Къ сожалѣнію, печатный текстъ драмы не могъ быть провѣренъ нами по рукописному оригиналу, который, вѣроятно, утраченъ. А между тѣмъ въ печатныхъ изданіяхъ ея имѣются, повидимому, многіе и большіе дефекты, касающіеся даже порядка главъ и стиховъ...

личнымъ седмицамъ и днямъ великаго поста. Сначала война сопровождалась виднымъ успѣхомъ добродѣтелей, которыя стали было побѣждать своихъ противниковъ. Но потомъ счастье неожиданно имъ измѣнилось.

... И вправду зъ початку, щастя имъ служило,
Обаче же при концѣ налѣво скривило,
Богъ ихъ скаравъ, а за что жъ? умомъ возлетѣли
Високо, въ часъ бо, вонже врага силно били,
Не благодаря Богу за помощь велику
И не смотря, что Онъ далъ побѣду толику
Всякому, но своей все силѣ приписали,
И другъ другаго прозрѣвъ, болно укоряли,
Свой трудъ и свою службу паче возвишая,
Бляжняго же своего ни во что вѣмѣняя,
Зато Богъ ихъ прогнѣванъ, продалъ лютой
брани...

Добродѣтели колебались и были сбиты съ поля сраженія. Воспользовавшись этимъ, грѣхи вскочили въ „обозъ“, гдѣ укрывался человекъ, изъ за котораго происходила и самая брань, схватили его и отвели въ далекую невѣдомую страну. Между тѣмъ войско добродѣтелей оправилось. На небо была послана „Молитва“ съ просьбою о помощи. Получивъ сію помощь, добродѣтели снова вступили въ борьбу съ грѣхами и заступленіемъ Пресв. Богородицы и силою честнаго животворящаго креста побѣдили совершенно войско грѣховное. Но торжество побѣдителей—добродѣтелей сильно омрачалось тѣмъ, что человекъ, изъ-за котораго происходила борьба, оставался по прежнему въ плѣну. Нужно было его отыскать и спасти. Искали его всюду и нигдѣ не могли найти. Только Марія Египетская указала добродѣтелямъ ту страну далекую, гдѣ томился человекъ въ плѣну. Добродѣтели много разъ посылаютъ въ эту страну для избавленія человека, но посланные не возвращаются назадъ. Пробуютъ они отправить за плѣнникомъ „нѣякогось Лазаря“, но и сей послѣдній не возвращается обратно.

Тогда уже Само Слово Божіе идетъ на освобожденіе плѣнника, отдаетъ плоть Свою на снѣденіе сухореброй смерти душою Своею проникаетъ сквозь врата ада, побѣждаетъ его, и освобождаетъ плѣнника изъ оковъ. Послѣ того Слово Божіе снова облекается въ побѣдоносное тѣло Свое и воскресеніемъ Своимъ творитъ всемірную радость.

Описанное нами произведеніе Іоасафа Горленко примѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Являясь рѣдкимъ памятникомъ Кіевского академическаго поэтическаго творчества, давая въ своемъ содержаніи много цѣннаго матеріала для характеристики быта современнаго, это произведеніе имѣетъ важное значеніе и для характеристики личности его автора. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ незаурядный литературный талантъ и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на внутреннюю жизнь, самодѣтельность и аскетически-мистическое настроеніе молодого инокѣ.

Свое сочиненіе Іоасафъ Горленко посвятилъ и поднесъ 9 апрѣля 1737 года архіепископу Рафаилу Заборовскому. Послѣдній продолжалъ покровительственно относиться къ Іоасафу Горленко. 24 іюня 1737 года онъ назначилъ послѣдняго игуменомъ Мгарскаго Преображенскаго Лубенскаго монастыря. Назначеніе это было для 32-лѣтняго іеромонаха очень почетнымъ. Іоасафъ Горленко принялъ его съ глубокимъ смиреніемъ и записалъ въ автобіографіи своей слѣдующее: *„въ годѣ 1737, іюня 24, посвященъ въ игумена, аще и по крайнему моему нежеланію, Божію же смотрѣнію преданный и воли архимастырской не отрицающій, въ монастырь свято-Преображенскій Мгарскій, подъ Лубнами находящійся“* ¹⁾.

Помимо молодости и неопытности, игумена Іоасафа могло серьезно смущать новое назначеніе еще и потому,

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 174—175.

что Лубенскій монастырь находился тогда въ полуразрушенномъ состояніи ¹⁾. Еще въ 1728 г. совершенно развалилась въ немъ каменная церковь, построенная въ 1684—1694 г.г. Затѣмъ въ 1736 г. пожаръ уничтожилъ все деревянныя постройки въ монастырѣ. Такимъ образомъ, новому игумену предстоялъ трудъ возстановленія и обновленія монастыря. Игуменъ Іоасафъ Горленко, поправившись отъ серьезной болѣзни, которая постигла его тотчасъ послѣ переселенія изъ Кіева въ Лубны, энергично было взялся за это дѣло. Къ сожалѣнію, сохранившіеся документы архива Лубенскаго монастыря совершенно умалчиваютъ о его трудахъ по возобновленію обители. Только въ своихъ автобиографическихъ запискахъ самъ святитель Іоасафъ говоритъ объ этомъ ²⁾.

Впрочемъ, акты и документы, сохранившіеся въ Лубенскомъ монастырскомъ архивѣ, рельефно характеризуютъ дѣятельность игумена Іоасафа Горленко въ другихъ отношеніяхъ. Изъ мертвыхъ и сухихъ документовъ предъ нами возстаетъ живой образъ игумена трудолюбиваго, заботливаго, гуманнаго, отечески управлявшаго своимъ монастыремъ. Управление это было, видимо, хорошею школою для будущаго архипастыря.

Лубенскій Преображенскій монастырь въ то время былъ довольно населеннымъ. Братство его было многочисленно. Въ вѣдѣніи монастыря была еще другая обитель—

---

¹⁾ Монастырь этотъ, по свидѣтельству Густынской лѣтописи, основанъ въ 1624 г. м. Ісаією Коцинскимъ. Расположенъ онъ при с. Мгары, въ 6 в. отъ г. Лубенъ, извѣстенъ находженіемъ въ немъ мощей константинопольскаго патріарха Аѳанасія, скончавшагося здѣсь въ 1654 г. См. у В. Звѣринскаго. Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о монастыряхъ въ Росс. имперіи т. II (СПБ. 1892 г.) № 1097.

²⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 175.

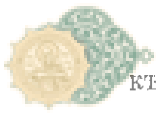
Красногорская, управлявшаяся намѣстникомъ, который былъ въ подчиненіи у Лубенскаго игумена ¹⁾. Въ вѣдѣніи этого послѣдняго находилось также нѣсколько приходскихъ храмовъ, существовавшихъ, очевидно, во владѣніяхъ монастыря.

Одинъ изъ приходскихъ священниковъ, Павелъ Песковский, служившій при храмѣ с. Песокъ, обращался 20 сентября 1741 г. къ игумену Іоасафу съ просьбою. Дѣло въ томъ, что нѣсколько крестьянъ вышли изъ села и передали священнику свои „нивки“ въ даръ и вмѣстѣ въ заплату за поминовеніе „родичей“ своихъ. Священникъ припалъ даръ и даже началъ „орати“ поле безъ вѣдома и благословенія игумена. Только чрезъ $\frac{1}{2}$ года онъ спохватился, вспомнилъ о томъ, что необходимо попросить разрѣшенія у игумена, такъ какъ крестьяне—выходцы были монастырскими подданными. Какъ же отнестися къ просьбѣ приходскаго священника игумень Іоасафъ? На его прошеніи онъ написалъ слѣдующія знаменательныя слова: „за погрѣшеніе спитимію исполнилъ и прощается. О нивкахъ же учинить въ соборѣ разсмотрѣніе, *взирая на то, что въ нынѣшній отъ священникамъ, буди отъ себе же не будутъ респектованни, пропитатися нѣчимъ, паче же когда и монастыреть в томъ нужди нтъ*, а свидѣтелей покажетъ, что праведно изшедшіи мужики ему леговали грунта. 1741 года сентября дня 29“ ²⁾.

Игумень Іоасафъ Горленко весьма сердечно и участливо относился и къ крѣпостнымъ крестьянамъ монастырскимъ, особенно къ бѣднымъ, несчастнымъ. Въ 1740 г. зимою имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ. Въ с. Луцѣ былъ нищій Герасимъ. Собирая милостыню, онъ зашелъ на ночлегъ къ одному изъ селянъ. На другой день, будучи больнымъ,

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 336.

²⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 317—320.

онъ просилъ хозяина дома отвезти его въ тотъ дворъ, гдѣ онъ постоянно проживалъ. Грицко Лузаненко (хозяинъ) повезъ нищаго. Но когда они прѣѣхали въ другой домъ, то хозяинъ этого послѣдняго отсутствовалъ, а жена его не пустила нищаго въ домъ. Грицко Лузаненко, не долго думая, выбросилъ изъ саней Герасима, который и замерзъ подъ дворомъ. Когда объ этомъ происшествіи было донесено игумену Іоасафу, то онъ обратилъ на него самое серьезное вниманіе и велѣлъ „ислѣдовать обстоятельно о смерти Герасимовой“. Когда же затѣмъ ему было представлено все слѣдственное дѣло, то игумень Іоасафъ 12 февраля 1740 г. написалъ на немъ слѣдующую резолюцію, характеризующую его отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ и вообще его народолюбивую душу: „весь виновенъ безбожній мужикъ Грицко Лузаненко въ смерти замороженнаго Герасима; когда привезъ до Сѣраченковъ, чому жъ въ хату не ввелъ? И баба Ювга (не пустившая въ хату привезеннаго Герасима—нищаго) привинная тому жъ, когда видѣла подъ дворомъ лежащаго Герасима больного и чула, что кричалъ: „Бога ради озмите мене въ хату, бо змерзну“, для чого жъ не созвала сосѣдъ и не взяла его? То за тое ихъ немилосердное безчеловѣчіе учинить нижеслѣдующее: Грицка Лузаненка нещадно вибить плетми въ недѣлю предыдущую по литургіи предъ церквою и отлучить, яко убійцы часть, до Петрова поста отъ сообщенія Божественныхъ таинъ (кромя смертной нужды); тое же и бабѣ Ювгѣ учинити; въ дополненіе же слѣдствія допросить Карпа и Мойсея Шхаенковъ, просилъ ли ихъ Лузаненко, чтобы помогли Герасима покойнаго внести до хаты, и буде покажется, что просилъ, а они не спомоществовали, то и тымъ безбожникамъ тое же учинити. Для экзекуціи же той опредѣлить кого зъ монастыря, чтобъ видѣлъ наказанія безпристрастіе и не являлъ милости не сотворшимъ милости; о отлученіи же ихъ отъ сооб-

щенія пошлется письменный приказъ за рукою моею до священника Лучанскаго Назаріа“ ¹⁾.

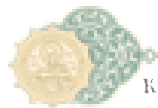
Здѣсь—и состраданіе къ несчастному, и вниманіе къ участи бѣдныхъ, и забота о справедливости.

Акты Лубенскаго монастырскаго архива сохранили намъ свѣденія еще объ одномъ фактѣ, могущемъ характеризовать святителя Іоасафа, какъ игумена Лубенскаго монастыря. Монастырскій подданный И. Котляръ жаловался 16 ноября 1740 г. игумену Іоасафу на свою жену, которая покушалась, будто бы, отравить его. Игуменъ Іоасафъ приказалъ разслѣдовать дѣло и заподозрѣнную женщину взять подъ арестъ. Слѣдствіе подтвердило жалобу Котляра. Тогда родители преступницы обратились къ игумену Іоасафу съ прошеніемъ о помилованіи, причемъ писали, что и сама она кается въ своемъ грѣхѣ и мужъ ея готовъ просить её. И вотъ какое рѣшеніе далъ дѣлу игуменъ Іоасафъ: „буди мужъ жены своей и вѣщей дочери покаяніе пріемлетъ и неискатель за злоумышленную отъ нея себѣ погибель, то и мы пріемлемъ. Надлежитъ отъ Івана Кондѣсаренка (онъ же Котляръ) письменнаго требовать о томъ свидѣтельства, что онъ женѣ своей вся прощаетъ. 1740 года ноября дня 25“ ²⁾.

Такова была дѣятельность святителя Іоасафа Горленко, какъ игумена Лубенскаго Проображенскаго монастыря. Глав-

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. стр. 285—295.

²⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 310—314. Налечтанные здѣсь же другіе акты и документы Лубенскаго монастырскаго архива говорятъ о хозяйственныхъ распоряженіяхъ игумена Іоасафа (см. № VI стр. 303—304), о мѣропріятіяхъ его административнаго характера (см. № XIII стр. 315—317, № XXI стр. 339—340), объ отношеніяхъ его къ роднымъ (см. № I стр. 253—284, № IX стр. 308—309), къ митрополиту Рафаилу Заборовскому (см. № II, стр. 284—285, № XXII стр. 340—341), объ отношеніяхъ мѣстныхъ дворянъ и вообще благотворителей къ монастырю, управлявшемуся имъ и т. п.

ная заслуга его предъ симъ монастыремъ заключалась въ томъ, что онъ частію обстроилъ его самъ, большею же частію собралъ средства, необходимыя для обновленія полуразрушенной обители.

Въ поискахъ за средствами на обновленіе монастыря и храма его игуменъ Іоасафъ 10 сентября 1742 г. отправился въ Москву. Тамъ онъ пробылъ, по собственному его свидѣтельству въ автобіографическихъ запискахъ ¹⁾, до августа 1744 г. Въ Москвѣ игуменъ Іоасафъ былъ представленъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Можно догадываться, что покровителемъ его въ данномъ случаѣ могъ быть его младшій землякъ по происхожденію и товарищъ по ученію въ Киевской Академіи, Арсеній Могилянскій, который то время былъ архіепископомъ Переяславскимъ и пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ государыни ²⁾. Благочестивая и набожная царица выразила желаніе послушать проповѣдное слово изъ устъ лубенскаго игумена. 28 ноября 1742 г. игуменъ Іоасафъ Горленко, дѣйствительно, говорилъ въ присутствіи императрицы, въ домово́й церкви ея, слово о любви къ Богу и къ ближнимъ. Это слово тогда же было напечатано и сохранилось ³⁾. Оно служитъ единственнымъ образцомъ проповѣдническаго служенія Церкви Божіей святителя Іоасафа. Слово это весьма краснорѣчиво свидѣтельствуе́тъ о хорошемъ дарованіи проповѣдника. Особенно при-

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы. . ч. 2 стр. 175.

²⁾ См. Священника Н. Шпачинскаго. Киевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и состояніе Киевской митрополіи въ его правленіе. К. 1907 г. стр. 4. 7—8.

³⁾ Имѣется въ библиотекѣ Киевской духовной Академіи и перепечатано у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 213—227. Извѣстны и рукописные экземпляры слова (см. тамъ же ч. 2 стр. 153), причѣмъ оно помѣщалось вмѣстѣ съ проповѣдями другихъ выдающихся церковныхъ ораторовъ XVIII в., какъ образцовое слово.

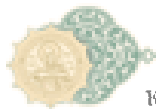
итно видѣть въ немъ простоту изложенія и отсутствіе того панегиризма, каковымъ тогда страдала наша проповѣдническая литература, а придворная попреимуществу.

Щедро одаренный императрицею и многими другими благодѣтелями, игумень Іоасафъ Горленко 16 августа 1744 г. возвратился въ Лубны. Онъ готовился было приступить къ обновленію Лубенскаго монастыря на собранный имъ значительныя средства. Но этому намѣренію его не суждено было осуществиться. 27 августа 1744 г. онъ долженъ былъ отправиться, видимо, по приглашенію м. Рафаила Заборовскаго въ Кіевъ, гдѣ въ это время находилась императрица Елизавета Петровна. Здѣсь, въ Кіевѣ, по словесному указанію государыни, Іоасафъ Горленко 14 сентября 1744 г. былъ сдѣланъ архимандритомъ, съ оставленіемъ пока въ Лубенскомъ монастырѣ ¹⁾. Но онъ недолго прожилъ здѣсь. Въ ноябрѣ того же года онъ былъ вызванъ синодальнымъ указомъ въ Москву, а 29 января 1745 г. состоялось его назначеніе намѣстникомъ св. Троицкой Сергіевой Лавры. Можно думать, что и теперь, при возведеніи въ санъ архимандрита и переводѣ въ Москву, покровителемъ Іоасафа Горленко былъ все тотъ же Арсеній Могиліянскій, находившійся тогда въ зенитѣ своей славы и вліянія.

Время служенія Іоасафа Горленко въ званіи намѣстника Троицкой Сергіевой Лавры прежними біографами его доселѣ проходило обыкновенно совершеннымъ молчаніемъ. Причина этого—полное отсутствіе документальныхъ данныхъ. И самъ святитель Іоасафъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ ограничивается только краткими общими замѣ-

---

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 175 ср. ч. 3 стр. 336, гдѣ напечатано прошеніе братія Лубенскаго монастыря м. Рафаилу объ учрежденіи въ ихъ монастырѣ архимандріи и о назначеніи архимандритомъ игумена Іоасафа Горленка (10 января 1744 г.).

чаніями объ этомъ періодѣ своей жизни. Но недавно напечатанные кн. Жеваховымъ документы, извлеченные изъ лаврскаго архива, даютъ теперь намъ возможность восполнить указанный пробѣлъ въ біографіи святителя Іоасафа ¹⁾. Изъ документовъ этихъ видно, что архимандритъ Іоасафъ Горленко, въ качествѣ намѣстника св. Троицкой Сергіевой Лавры, былъ ревностнымъ и полезнымъ сотрудникомъ ея настоятеля. Священно-архимандритомъ лавры въ то время былъ извѣстный уже намъ архіепископъ Арсеній Могилянский. Какъ членъ св. синода, исполнявшій притомъ обязанности придворнаго проповѣдника, послѣдній былъ очень занятъ и долженъ былъ большую часть года проводить въ С.-Петербургѣ. По необходимости, въ управленіи лаврою онъ долженъ былъ полагаться на своего намѣстника,

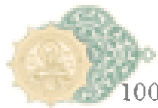
Послѣднему было много труда и притомъ труда сложнаго и отвѣтственнаго. Лавра представляла тогда весьма обширное учрежденіе. Подъ вѣдѣніемъ ея архимандрита находилось до 15 монастырей. Лаврѣ принадлежало тогда до 80 селъ, кромѣ деревень и приселковъ. Во владѣніяхъ лавры насчитывалось въ 1747 году, напр., свыше 82.000 душъ ²⁾. Понятно, что управленіе такимъ обширнымъ монастыремъ требовало сложной организаціи. Оно осуществлялось, по принятому тогда порядку, въ приказахъ, конторахъ и канцеляріяхъ. Вся эта канцелярская машина объединялась въ дѣятельности „Учрежденнаго духовнаго Собора“ Лавры Предсѣдателемъ и главнымъ руководителемъ этого послѣдняго былъ намѣстникъ Лавры.

Дѣятельность намѣстника Лавры въ значительной степени осложнялась отъ того, что подъ вѣдѣніемъ Лавры и

¹⁾ См. Матеріалы... ч. 3 стр. 345—516.

²⁾ Подробности см. въ Историческомъ Описаніи Св. Троицкой Лавры. М. 1890 г. (пр. А. Горскаго). Ср. у свящ. Н. Шпачинскаго. Цитов. соч. стр. 52 и слѣд

настоятеля ея находилась тогда и Троицкая семинарія. Заботы объ ея устройствѣ, наблюденіе за ходомъ учебныхъ занятій въ ней, выборъ начальниковъ и преподавателей,—все это лежало на обязанности священно-архимандрита Лавры, а исполнителемъ распоряженій его былъ духовный лаврскій Соборъ и особенно предсѣдатель его—намѣстникъ Лавры.

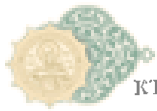
Наконецъ, было еще одно специальное обстоятельство, которое сильно осложняло обязанности лаврского намѣстника и чрезвычайно увеличивало его труды. Въ бытность святителя Іоасафа Горленко намѣстникомъ Св. Троицкой Сергіевой лавры, 17 мая 1746 г. произошелъ пожаръ, который произвелъ сильныя опустошенія въ зданіяхъ ея, не коснувшись, впрочемъ, главныхъ святынь ея ¹⁾. Пожаръ вызвалъ необходимость обновленія и переустройства всего вообще монастыря. Правда, это переустройство совершилось вполнѣ уже послѣ того, какъ Іоасафъ Горленко оставилъ Лавру ²⁾. Но онъ принялъ самое живое и самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ всего необходимаго для общаго обновленія Лавры, а многія работы по переустройству Лавры были произведены при немъ еще и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Вѣроятно, по личной инициативѣ архим. Іоасафа Горленка, состоялся вызовъ въ 1747 г. іеромонаха Києво-Межигорскаго монастыря Павла Казановича, которому было поручено росписаніе живописью храмовъ лаврскихъ и преобразование существовавшей въ Лаврѣ иконописной мастерской и рисовальной школы ³⁾.

---

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 379 (объ осмотрѣ архим. Іоасафомъ погорѣлыхъ церквей лавры), стр. 430 и слѣд. (о пожарѣ лавры 17 мая 1746) и др.

²⁾ Ср. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 423, 494, 497 и др.

³⁾ См. тамъ же стр. 399—400.

Такова была дѣятельность Іоасафа Горленко, какъ намѣстника Троице-Сергіевой Лавры. Служеніе его въ Лаврѣ было непродолжительно. И по лѣтамъ, и по образованію, и даже по степени практической подготовки, онъ былъ теперь достойнымъ кандидатомъ епископства. Въ началѣ 1748 г. освободилась Бѣлгородская архіерейская катедра. Архимандритъ Іоасафъ Горленко еще прежде представлялся св. синодомъ государынѣ, какъ кандидатъ на архіерейскія катедры. 15 марта 1748 г. состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи его въ Бѣлгородъ. 1 іюня 1748 г. онъ былъ нареченъ, а 2 іюня хиротонисанъ во епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго ¹⁾. Съ 6 августа того же года началось дѣйствительное архипастырское служеніе святителя Іоасафа Горленко въ Бѣлгородѣ, которому суждено было стать и мѣстомъ вѣчнаго упокоенія нашего святителя.

Бѣлгородскій періодъ въ жизни святителя Іоасафа Горленко можетъ почитаться разработаннымъ болѣе или менѣе достаточно, благодаря трудамъ архіеп. Филарета и профессора А. С. Лебедева. Немногое къ тому, что имѣется у нихъ, добавляють тѣ акты и документы, которые удалось отыскать кн. Н. Д. Жевахову въ архивахъ Св. Синода, Харьковской и Курской духовныхъ Консисторій и Троицкаго Бѣлгородскаго и Знаменскаго Курскаго монастырей ²⁾. Попытаемся, на основаніи этихъ источниковъ, возстановить общій образъ архипастырской дѣятельности святителя Іоасафа.

Бѣлгородская епархія, которою Богъ судилъ управлять святителю Іоасафу, была одною изъ обширѣйшихъ нашихъ епархій ³⁾. Она обнимала собою пынѣшнія Курскую и Харь-

¹⁾ См. тамъ же ч. 3 стр. 521—532.

²⁾ См. Матеріалы... ч. 3 стр. 517 и слѣд.

³⁾ Бѣлгородская епархія, предположенная къ открытію еще на соборѣ 1657 г., была, дѣйствительно, учреждена въ 1667 г.

ковскую епархію и часть Воронежской епархію. При святителѣ Іоасафѣ въ ней насчитывалось до 1000 приходоу Православное населеніе ея было весьма значительно. Религиозно-нравственное состояніе ея было во многихъ отношеніяхъ весьма печальное.

Населеніе Бѣлгородской епархію, какъ окраинной, образовалось преимущественно изъ переселенцевъ, явившихся сюда изъ разныхъ областей Россіи. Много тутъ было бѣглецовъ изъ центральной Россіи. Особенно значительный наплывъ ихъ относится къ ХУІІ в. Въ числѣ другихъ бѣглецовъ прибыло тогда въ Бѣлгородскую провинцію много и старообрядцевъ. Тогда же и еще болѣе въ первой половинѣ ХУІІІ в. устремились сюда и другіе бѣглецы, именно православные жители Украины, спасавшіеся отъ польскаго гнета и преслѣдованій за вѣру. Среди смѣшаннаго населенія Бѣлгородской епархію было много суевѣрій, пороковъ и вообще разныхъ нравственныхъ недостатковъ. Духовенство Бѣлгородское, въ свою очередь, оставляло желать многого и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Среди членовъ его были такіе, которые—сознательно или безсознательно—склонялись на сторону то старообрядчества, то униі. Вообще епархію съ подобнымъ духовенствомъ и православнымъ населеніемъ требовала отъ архипастыря ея особенныхъ трудовъ и усиленныхъ подвиговъ.

Святитель Іоасафъ Горленко былъ именно такимъ архіереемъ, каковъ былъ необходимъ въ данное время для

Сначала она управлялась митрополитами, а потомъ (съ 1722 г.) епископами. См. у И. Покровскаго. Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в. Ихъ открытіе, составъ и предѣлы. К. 1897 г. стр. 252 ср. 279 и слѣд.

Бѣлгородской епархіи ¹⁾. Архипастырское его служеніе здѣсь было непродолжительно (1748—1754 г.), но весьма плодотворно.

Онъ былъ преисполненъ святой ревности о славѣ Божіей, возвѣщать которую онъ былъ призванъ. Эту же ревность онъ желалъ пробудить и въ своихъ ближайшихъ сотрудникахъ—священникахъ и во всей паствѣ своей. Онъ всемѣрно заботился о томъ, чтобы, по возможности, искоренить суевѣрія и нравственные недостатки въ жизни своихъ пасомыхъ. Мы имѣемъ ясныя и несомнѣнныя доказательства того, что святая жизнь Архипастыря, горѣвшаго яркимъ пламенемъ ревности о славѣ Божіей, оказывала вліяніе и на всѣхъ его сотрудниковъ, а также и на паству его.

Святитель Іоасафъ Горленко горячо заботился о христіанскомъ просвѣщеніи своей паствы. Для этого ему были необходимы образованные помощники — священники. Для приготовленія образованныхъ кандидатовъ священства существовала тогда въ Бѣлгородской епархіи такая прекрасная школа, какъ Харьковскій Коллегіумъ, устроенный однимъ изъ достойнѣйшихъ предшественниковъ святителя Іоасафа — Епифаніемъ Тихорскимъ ²⁾. Святитель Іоасафъ Горленко, съ своей стороны, заботился о дальнѣйшемъ развитіи и возможномъ преуспѣяніи Коллегіума ³⁾. Доходы своихъ архіерейскихъ вотчинъ и часто личныя свои средства онъ употреблялъ на улучше-

¹⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, что непосредственно предшествовавшіе святителю Іоасафу Горленко Бѣлгородскіе архипастыри: Досіеѣй Богдановичъ-Любимекій (1731—1733), Петръ Смѣличъ (1736—1742 г.) и м. Антоній Черновскій (1742—1748 г.) не отличались выдающимися нравственными и административными достоинствами. Особенно это должно сказать о м. Антоніи. См. о немъ у А. Лебедева. Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. Х. 1902 г. стр. 63 и слѣд.

²⁾ См. о немъ тамъ же стр. 21—38.

³⁾ См. тамъ же стр. 87—88.

ніе учебнаго дѣла въ Коллегіумѣ¹⁾. Онъ внимательно слѣдилъ также за тѣмъ, чтобы духовенство обязательно отдавало своихъ сыновей въ Коллегіумъ для образованія. Съ виновныхъ въ этомъ отношеніи онъ строго взыскивалъ²⁾.

Святитель Іоасафъ требовалъ отъ священниковъ, чтобы они учили своихъ прихожанъ въ храмахъ. Сохранились многочисленныя распоряженія его о томъ, чтобы священники, по окончаніи богослуженія, учили всѣхъ, начиная отъ малыхъ младенцевъ до престарѣлыхъ людей, общеупотребительнымъ молитвамъ и основнымъ догматамъ вѣры православною³⁾.

Образцомъ для всѣхъ въ этомъ отношеніи служилъ самъ Архипастыръ. Онъ былъ неутомимъ въ дѣятельности, несмотря на свою постоянную болѣзненность⁴⁾. Онъ всего себя отдавалъ на служеніе паствѣ. Весьма рѣдко онъ оставался въ кафедральномъ городѣ и въ своемъ архіерейскомъ домѣ. Большую же часть времени онъ проводитъ въ крайне утомительныхъ для такого больного человѣка, какимъ онъ былъ, разъѣздахъ по епархіи. Онъ самъ хотѣлъ наблюдать за тѣмъ, какъ исполняются его требованія и распоряженія, какъ совершаютъ свое служеніе священники. Каждый его объѣздъ приходскихъ храмовъ сопровождался обстоятельными циркулярными распоряженіями архипастыря, въ которыхъ онъ поучалъ священниковъ, приходы коихъ онъ не могъ посѣтить. Такъ, напр. по поводу замѣченныхъ многихъ неисправностей, святитель Іоасафъ указомъ 9 декабря 1749 г. предписывалъ: 1) святое мѣро получать должны только протопопы и содержать его во всякой чистотѣ,

1) См. у кн. Жевахова. Матеріалы. . ч. 3 стр. 565—566.

2) См. тамъ же ч. 3 стр. 545—546.

3) См. у проф. Лебедева. Цит. соч. стр. 89.

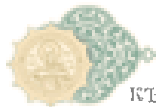
4) См. письмо святителя Іоасафа къ брату А. А. Горленко, у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 234—237.

въ приличныхъ мѣстахъ, а священникамъ раздавать муро по надобности, къ мурѹ ничего не примѣшивать; мирницы устроить новыя, по особымъ образцамъ, которые будутъ высланы въ протопопія изъ консисторіи; 2) сосуды имѣть исправные, понеже немного на то иждивенія и кошту; 3) имѣть губы (губки антиминсныя) величинаю, по крайней мѣрѣ, на три перста, плотныя и густыя, „безъ ноздерь“, и нетолстыя, но крѣпко стисненныя въ тискахъ, или прессахъ, и таковыхъ губъ имѣть по двѣ или по три, чтобы онѣ всегда были чисты; 4) впредь ничего не вымышлять въ богослуженіи (архипастыремъ было замѣчено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что попы-неувѣжды позавели въ священнослуженіи непотребныя поповскіе вымыслы, лишніе, гдѣ не надлежитъ. поклоны, рукъ воздѣяніе, кажденія предъ великимъ входомъ, креста цѣлованіе, въ зогласахъ и ектеніяхъ непотребныя хлиповки и прочія ихъ мнимыя благочинія, что паче безчиніе есть и внимающихъ не къ сокрушенію, а къ смѣху побуждаетъ), но дѣйствовать такъ, какъ по своемъ посвященіи въ катедрѣ обучено, и по чиноположенію, показанному въ служебникахъ; 5) безобразныхъ украшеній не дѣлать и ручниковъ, платковъ на иконы и кресты святыне не цѣплять и не увязывать, а гдѣ нынѣ имѣются, всюду собирать и употреблять при умываніи рукъ во время священнослуженія; 6) богомазныя раскольническія иконы и на бумагахъ безобразныя изображенія по стѣнамъ, паче же въ алтаряхъ воздухи повѣшенныя и поставленныя поотбирать и поотдать тѣмъ лицамъ, кто ихъ внесъ въ церкви, а впредь, кромѣ гробницы съ божественными тайнами, креста, антиминса, овангелія и свѣчниковъ, отнюдь ничего не держать; воздухи держать въ шкафахъ, или особыхъ сундукахъ, гдѣ должны храниться и всѣ священныя одежды, старыя хоругви поимать и впредь не вѣшать по стѣнкамъ; въ случаѣ понаѣдутъ торговцы съ такого рода богомазными иконами, то иконъ у нихъ не покупать, а самыхъ торговцевъ под-

вергать аресту, присылать въ консисторію подъ карауломъ; 7) непременно устроить прочныя ограды вокругъ храмовъ, чтобы скотина не переходила за ограду, о чемъ предписывалъ святитель Іоасафъ духовенству еще въ предыдущемъ (1748) году; а если указъ не будетъ исполненъ въ точности, то,—предупреждалъ Архипастырь,—не примутся во вниманіе „никакіе извѣты поповъ“ и они будутъ штрафованы ¹⁾).

Съ небрежныхъ и недѣятельныхъ священниковъ своей епархіи святитель Іоасафъ особенно строго взыскивалъ. Особенно не терпѣлъ праведный архипастырь пренебрежительнаго отношенія къ святынямъ. Въ одномъ изъ его циркулярныхъ распоряженій, въ назиданіе духовенству, разсказывается такой фактъ. Святитель, объѣзжая епархію, остановился на ночлегъ въ домѣ священника. Ночью онъ не могъ уснуть. Онъ испытывалъ какое-то особенное волненіе и необъяснимый страхъ. Поднявшись, онъ началъ внимательно осматривать свое помѣщеніе. Между другими предметами, небрежно разбросанными въ комнатѣ, онъ замѣтилъ свертокъ бумаги. Святитель раскрылъ его и, къ своему ужасу, нашелъ въ немъ св. дары. Святитель поднялъ св. тайны, положилъ ихъ предъ иконою и всю ночь провелъ въ молитвѣ предъ ними. На слѣдующій день онъ запретилъ священнослуженіе іерею, столь небрежно относившемуся къ величайшей святынѣ, и даже потомъ лишилъ его сана. А по епархіи онъ объявилъ: „раздробленныя и напоенныя кровію части Божественнаго Тѣла нѣкоторые нерадивые священники хранятъ въ домахъ своихъ, не въ приличныхъ мѣстахъ; да къ тому же усмотрѣно во многихъ мѣстахъ, что невнимающіе своему служенію священники не имѣютъ особенныхъ кивотцевъ ради ношенія Божественныхъ Тайнъ къ

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 577—580 стр. 582—584 стр. 593 и слѣд.

больнымъ и носятъ оныя въ кошелькахъ и бумажникахъ“...¹⁾. Святитель Іоасафъ строго запрещалъ это, подѣ угрозою жестокаго наказанія. Строгій къ себѣ, святитель, очевидно, былъ также строгъ и къ другимъ, особенно когда дѣло касалось святости и чести церковной.

Святитель Іоасафъ обладалъ рѣдкимъ для своего времени мужествомъ и дерзновеніемъ, какъ архипастырѣ-обличитель. Его обличительное слово было одинаково строго и рѣшительно, къ кому бы оно ни относилось: къ священнику, знатному помѣщику, купцу или крестьянину. Исторія сохранила намъ свидѣтельство, о томъ, какъ святитель Іоасафъ дерзновеннымъ и строгимъ обличеніемъ довель до полного искренняго раскаянія начальника украинской дивизіи гр. Салтыкова, позволявшаго себѣ легкомысленно относиться къ уставамъ церковнымъ и тѣмъ производившаго большой соблазнъ. Строптивый вельможа сначала сердился и даже грозилъ святителю, но потомъ смирился предъ кроткимъ и безбоязненнымъ архипастыремъ²⁾.

Насколько величественъ, строгъ и требователенъ былъ святитель Іоасафъ въ своемъ архипастырскомъ служеніи, настолько же онъ былъ простъ и даже скроменъ въ обыкновенныхъ отношеніяхъ къ людямъ и особенно въ личной своей жизни³⁾. Двери его келій были всегда открыты для всѣхъ. Онъ не дѣлалъ никакого различія между просителями. Ко всѣмъ онъ относился съ любовію и вмѣстѣ съ строгостію, гдѣ это требовалось. Особенную расположенность святитель являлъ къ простому народу. Въ лѣтнее время

¹⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 265—266 стр. 594—595 стр у проф. Лебедева А. Цитов. соч. стр. 104.

²⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 3 стр. 267.

³⁾ См. тамъ же Матеріалы... т. II ч. II стр. 341 и слѣд. (Извлеченія изъ повѣсти Н. Кохановской: Рой—Теодосій Саввичъ на спокоѣ).

онъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать свои вотчины. Тутъ онъ запросто иногда появлялся среди своихъ крестьянъ, бесѣдовалъ съ ними, интересовался ихъ жизнію и помогалъ въ ихъ нуждахъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, гуманнѣйшее для XVIII в. распоряженіе о томъ, чтобы женщины—матери, имѣвшія грудныхъ дѣтей, не посылались на полевныя работы.

Святитель Іоасафъ Горленко былъ истиннымъ и великимъ милостивцемъ. Преданія народныя, связанные съ его именемъ, сохранили множество трогательнѣйшихъ рассказовъ о его истинно евангельскихъ милосердіи и благотвореніи бѣднымъ, особенно вдовамъ и сиротамъ. Иногда онъ самъ, въ одеждѣ простого монаха, отправлялся по вечерамъ, или ночью въ дома бѣдняковъ, кололъ дрова, приносилъ и полагалъ ихъ у дверей, дѣлая все это совершенно тайно. Въ Бѣлгородѣ и теперь еще сохранился домъ, гдѣ являлся святитель Іоасафъ въ видѣ такого милостивца.

Святитель Іоасафъ любилъ тайно посылать чрезъ келейника помощь бѣднымъ. Одно преданіе сохранило намъ такой рассказъ о святителѣ. Наканунѣ великаго праздника нужно было послать помощь бѣднымъ. А келейникъ заболѣлъ. Святитель Іоасафъ самъ рѣшилъ отнести милостыню, переодѣвшись въ одежду келейника. При возвращеніи въ монастырь, онъ не былъ узнанъ привратникомъ, и даже былъ наказанъ нѣсколькими ударами отъ него за позднее возвращеніе. Святитель Іоасафъ на другой день, пригласилъ къ себѣ этого привратника, накормилъ его и щедро одарилъ ¹⁾).

Келейная жизнь святителя Іоасафа, сколько она намъ извѣстна, была исполнена высокихъ подвиговъ благочестія и воздержанія. Выраженіемъ его постоянного молитвеннаго настроенія можетъ служить слѣдующее обыкновеніе свя-

---

¹⁾ См. тамъ же стр. 294—296.

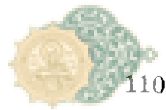
тителя. При каждомъ боѣ часовъ святитель Іоасафъ читалъ свою келейную молитву: „Буди благословенъ день и часть, въ онъ же Господь мой Іисусъ Христосъ мене ради родился, распятіе претерпѣ и смертію пострадал. О, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! въ часть смерти моя приими духъ раба твоего, въ странствіи суща, молитвами Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ Святыхъ Твоихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь“ ¹⁾

Память о смертномъ часѣ, видимо, никогда не оставляла святителя. Она возбуждалась въ немъ постоянною болѣзненностію его. И автобіографія святителя, и письма его къ роднымъ положительно удостовѣряють въ томъ, что онъ былъ всегда болѣзненнымъ человѣкомъ. Къ концу своей жизни онъ страдалъ, кажется, больше всего отъ болѣзни ногъ. Эта болѣзнь, осложнившаяся водянкою, кажется, и свела святителя въ могилу въ сравнительно раннемъ возрастѣ. Замѣчательно, что свои постоянныя и даже тяжкія болѣзни святитель Іоасафъ переносилъ всегда съ рѣдкимъ терпѣніемъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ его письма къ роднымъ. Въ нихъ онъ говоритъ, между прочимъ, о „веселости“ во время тяжкихъ болѣзненныхъ приступовъ ²⁾.

Хорошо зная слабость своего организма, истощеннаго частыми болѣзнями и усиленными подвигами, святитель Іоасафъ предчувствовалъ свой скорый конецъ. Весною 1754 года онъ задумалъ посѣтить родныя свои мѣста, чтобы видѣться и прѣститься съ своими престарѣлыми родителями. Предъ отправленіемъ въ Прилуки, онъ объявилъ всѣмъ, что онъ больше живымъ не увидитъ Бѣлгорода и приказалъ приготовить себѣ могилу въ избранномъ мѣстѣ.

¹⁾ Эта молитва довольно распространена между населеніемъ Курской губерніи. Часто она печатается на портретахъ святителя.

²⁾ См. у кн. Жевахова. Матеріалы... ч. 2 стр. 234—237.

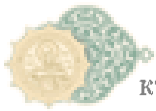
Предчувствіе святителя сбылось. Пробывъ нѣсколько мѣсцевъ на родинѣ, святитель Іоасафъ отправился въ обратный путь. Но по дорогѣ въ Бѣлгородъ онъ тяжело заболѣлъ и остановился въ гайворонскомъ архіерейскомъ домѣ. Здѣсь онъ, окруженный съѣхавшимися родными, и скончался 10 декабря 1754 года. Тѣло его было перенесено въ Бѣлгородъ и тамъ 28 февраля 1755 года было погребено въ Св. Троицкомъ монастырѣ переяславскимъ епископомъ Іоанномъ.

Замѣчательно, что послѣ преосвященнаго Іоасафа Горленко, происходившаго изъ состоятельнаго дворянскаго рода и получавшаго довольно значительные по тому времени доходы отъ архіерейскихъ бѣлгородскихъ вотчинъ, не осталось почти никакого денежнаго состоянія. Въ описи имущества, оставшагося послѣ его смерти, между прочимъ, значится: „денегъ семь рублей, девять талеровъ иностранныхъ, да три червонныхъ, которые употреблены на устроение гроба и въ раздачу на поминаловіе нищимъ“...

И только всего. На погребеніе его св. синодомъ велѣно было употребить изъ суммъ архіерейскаго дома до 300 рублей ¹⁾.

Святитель Іоасафъ Горленко, еще при жизни своей, почитался среди паствы, какъ святой. Черезъ два года послѣ его смерти нѣкоторые духовныя лица Троицкаго монастыря открыли гробъ святителя и нашли тѣло его и одежды, въ которыя оно было облечено, нетлѣнными. Это открытіе еще больше утвердило вѣру мѣстныхъ жителей въ святость праведнаго архипастыря. Съ теченіемъ времени у гроба святителя съ открыто почивающими нетлѣнными мощами начали совершаться многія чудесныя исцѣленія больныхъ. Все это и привело народную совѣсть къ глубокому убѣжденію въ святости архипастыря. Въ настоящее время идутъ

¹⁾ См. у проф. Лебедева А. Цитов. соч. стр. 110—111.

приготовленія къ торжественному прославленію блаженнаго святителя. Когда это прославленіе совершится, то наша Академія будетъ имѣть четвертаго святаго своего родного молитвенника предъ Богомъ. Предстоящее торжество да будетъ благословеннымъ преддверіемъ скорого трехсотлѣтняго юбилея славной Кіевской Академіи!

Пр. Ѳ. Титовъ.